

18+

А. Тищенко

ЛИБЕРТИОН

Анна Тищенко

Либертион

«Издательские решения»

Тищенко А.

Либертион / А. Тищенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749187-1

2078 год. Либертион — город-империя, в котором нет болезней, голода, преступности. Социальный успех, молодость, модные бренды и секс — вот Боги нового мира. Эти Боги из плоти и стали совершенны, и имеют доступную цену. Правда, любовь между мужчиной и женщиной стала запретной, ведь она не укладывается в рамки новой «свободы». И что делать мужчине, имевшему несчастье полюбить женщину? Ведь для этого идеального общества он извращенец и преступник. На какие страшные вещи можно пойти ради своей мечты?

ISBN 978-5-44-749187-1

© Тищенко А.

© Издательские решения

Содержание

Опасные слова	6
Посещение Олимпа	9
Классика мертва, да здравствует классика	12
Сражение в раю	14
Цена поэзии	19
Бархатная длань в железной перчатке	21
Врачеватель душ	24
Охота на синюю птицу	26
Романтика поневоле	31
Суровые будни Юного Люцифера	36
Новое слово в искусстве	40
Дары Бахуса	43
Лабиринт минотавра	45
Тяжелая ночь	54
Время собирать камни	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Либертион

Анна Тищенко

Свобода – величайший миф, созданный человечеством.

И как все недостижимое она прекрасна.

А. Тищенко

Дизайнер обложки Анна Тищенко

Иллюстратор Анна Тищенко

© Анна Тищенко, 2023

© Анна Тищенко, дизайн обложки, 2023

© Анна Тищенко, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-9187-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Опасные слова

12 мая 2078г.

Солнечные лучи прорвались через тусклую пелену весеннего неба, пролились жидким золотом на полированные крыши автомобилей. Скользнули ниже, туда, где из сумрака пустынных тротуаров вырастали льдистые кристаллы небоскребов, сломались и потухли в их бесчисленных стеклах. Тусклое майское солнце вставало над огромным городом – империей Либертионом.

Тиберий Краун сидел, откинувшись на кожаное сидение своего Мерседеса, и смотрел в окно. Перед его невидящим взглядом проплывали тысячи виртуальных рекламных щитов: *«Супербыстрые хлопья на завтрак – любой вкус!», «Суперслим» – минус 3 килограмма в день – только натуральные ингредиенты!», «Молод? Успешен? Богат? Импотенция? Наш препарат вернет эрекцию в считанные дни!», «Виагра. Улучшенная формула – твой друг будет в восторге!», «Одинока? В клубе «Леди Сафо» ты найдешь свою подружку»...* Но мысли Тиберия были далеко отсюда – в кабинете ректора Либертионского государственного университета.

«И зачем она вызывает меня так срочно, перед экзаменом? Могли бы поговорить после того, как я приму всех студентов, исторический факультет так невелик, что много времени это не займет». Осознав, что стоя в пробке, он уже пять минут таращится на плакат, назойливо предлагающий возбуждающее средство, гарантирующее мультиоргазм независимо от области его применения (и Евы и Адамы будут в раю), Тиберий раздраженно ткнул кнопку на плазменном экране. Стекло послушно потемнело, скрыв улицу от его глаз, и по его угольной поверхности побежала пронзительно-алая рекламная строка. После третьей неудачной попытки отключить рекламу он, наконец, вспомнил, что вчера забыл продлить ежемесячный платеж, и теперь придется смотреть на бегущую строку до конца поездки. Тихо выругавшись, он открыл окно. Усмехнулся: «Раньше люди платили, чтобы что-то получить; теперь мы платим, чтобы что-то не получать».

На воздушной трассе образовалась пробка. Сотни тысяч машин поблескивая лакированными боками, покорно ждали очереди, выстроившись многоцветной лентой. А там внизу, на чернеющих в тени домов тротуарах – практически никого, за исключением редких машин скорой помощи и полицейских патрулей.

– Перейти на ручное управление, – проворчал Тиберий.

«Сейчас нырнуть вниз, сто метров, и ты один мчишься по свободной дороге...»

– Извините, сэр, невозможно. Сегодня пятница, использовать ручное управление вы можете только по выходным, – равнодушно возразил вежливый женский голос в динамике.

– Черт возьми! Совсем забыл.

– Сэр, вы нарушили закон. Согласно статье 13456, пункту 561, ненормативная лексика считается административным нарушением. Желаете оплатить штраф сейчас?

– Какого..., – он вовремя остановился.

– Вы что-то хотели сказать, сэр?

– Нет-нет, ничего.

– Как угодно, сэр.

– Нет, ну что же это, я в собственной машине не могу вслух говорить?

– Вы можете, сэр, но согласно...

– Это был риторический вопрос, – раздраженно перебил Тиберий, – и, да, переведи деньги с карты сейчас.

Он устало откинулся на спинку сиденья. «Нет, надо взять себя в руки. Вот только что по собственной несдержанности потерял двести долларов. И это еще хорошо, что в своей

машине выругался. Во сколько обошлось подобное на лекции? Да, в тысячу – треть зарплаты». Он усмехнулся: «Ладно, еще не ляпнул, что именно благодаря грехопадению Адама и Евы человечество возникло, развилось и доросло до того счастья и миропорядка, в котором сейчас пребывает. А хотел. Но такая шутка обошлась бы в шесть лет тюрьмы или принудительный курс терапии у психолога, что куда как хуже. Или за пропаганду разнополю любви уже уже-сточили наказание? Вроде что-то такое было на днях в новостях. Надо бы у этой дуры поинтересоваться». Радуюсь, что хотя бы мысленно он может обращаться к собственной машине, как ему вздумается, Тиберий уже хотел задать вопрос, но не успел. Автомобиль быстро и плавно снизился у огромной гранитной лестницы, по которой спускались и поднимались многочисленные студенты.

– Мы прибыли к пункту назначения, сэр. Я отправляюсь на парковку, хорошего дня.

– Надеюсь, ты будешь долго искать свободное место, – проворчал Тиберий, выбираясь из автомобиля. Злость на свой несдержанный язык, как обычно, перекинулась на ни в чем не провинившуюся машину. Он быстрой, широкой походкой прошел под гранитную арку Либертионского университета, на которой огромными золотыми буквами сияла надпись: «*Единство, толерантность, свобода*». Взглянул на наручные часы, вспомнил, что старинные механические ему на работу носить запретили и сейчас его запястье украшал современный смарт. Потратил три минуты, чтобы выйти из социальной сети *Bodybook*, куда не заходил, виртуальных магазинов, новостей, рекламы и, наконец, увидел время. «Еще двадцать минут до лекции, отлично», – подумал он и стремительным шагом пошел по коридору, игнорируя механическую дорожку, на которой, как обычно, была толпа. «Забавно, – размышлял Тиберий, скользя равнодушным взглядом по юным лицам студентов. – Почти все они после лекций пойдут в тренажерный зал и потратят пару часов на занятия спортом, но целый день до этого будут всеми способами избегать любых усилий и движений. Даже эта дорожка едет медленней, чем я иду, однако же...»

Здание университета было огромным, это был целый город с бесчисленными корпусами, переходами, галереями, напоминавший полированного спрута. И не мудрено, университет был единственным в Либертионе. Как, впрочем, и любые заведения государственной важности – тюрьма, психиатрическая клиника, Суд, Дом правительства. Дойдя до лифта, соединявшего все этажи, он снова уперся в пробку. Смешался с толпой студентов, машинально определяя возраст юношей и девушек. Нет, не по степени зрелости – при возможностях современной медицины человек может и не меняться после восемнадцати. По крайней мере, внешне. Но те, кто был рожден до 2064 года, еще различались по фенотипу, фигуре, цвету кожи. Когда же толерантность и единство окончательно победили гнусные пережитки прошлого, было решено привести человечество к общему удобному знаменателю. «А ведь были же времена, – размышлял Тиберий, – когда рождение человека проходило при помощи биологических родителей и являлось волей случая».

Лифт сожрал очередную порцию ожидавших, и на площадке остался только он и две девушки. Судя по весьма экстравагантной одежде, они были с факультета дизайна. Одну из них, высокую стройную брюнетку, он окинул восхищенным взглядом. Видимо, взгляд этот, скользивший по ее скорее открытому, чем прикрытому одеждой телу был слишком красноречив и недостаточно толерантен. Девушка удивленно и вопросительно подняла на него темные, будто бархатные глаза.

– Очень стильная блузка, – тут же нашелся Тиберий, попытавшись придать лицу приветливо-глуповатое выражение.

– О, спасибо, – она тут же успокоилась и широко улыбнулась. – Очень модно в этом сезоне, «Андрогин» так пишет. А значит, так оно и есть.

– «Андрогин»?

– Да, это же самый известный модный журнал, вы разве его не читаете?

– Нет, – ответил Тиберий, забавляясь ее искренним изумлением и почти испугом.

Возможно, в кои-то веки у Тиберия был шанс узнать что-то о высокой моде, но в этот момент его развязно обняли за плечи и шанс этот был безвозвратно потерян. О чем он, впрочем, не слишком сожалел.

– Тиберий, привет, мой милый!

Розовощекий, пухлый мужчина с притворным радушием обнял помрачневшего Тиберия.

– И тебе привет, Норманн.

Вот не повезло, теперь от него не так просто будет отделаться. С профессором математики Тиберия связывали отношения, которые можно было охарактеризовать как «нежная ненависть». Норманн времени терять не стал:

– Судя по тому, что ты не бежишь пешком на свой шестой этаж, а смиренно ждешь лифта, тебя опять начальство вызывает? Опять провинился?

– Норманн, не нужно перекладывать свой опыт на других.

– Возможно, – мирно и, как бы, невзначай заметил математик, – твоей вины тут нет, просто тебя хотят поставить в известность о закрытии факультета. Что делать тогда будешь?

– Что ж..., может быть, на старую работу вернусь, – небрежно бросил Тиберий.

Розовая физиономия Норманна приобрела приятный зеленоватый оттенок.

– Ты не можешь! Некуда возвращаться, – неуверенно пробормотал он и слегка попятился.

– Ну отчего же. А, кстати, с чего такие мысли? О закрытии факультета? – ровным голосом спросил Тиберий.

Лифт увез девушек, и на площадки они с Норманном остались одни.

– Ну как же, на моем курсе тысяча человек, а у тебя сколько студентов? Десять? – оскандился в сладчайшей улыбке математик.

Удар попал в цель и требовал возмездия. Тиберий как бы рассеянно скользнул взглядом по всему круглому, рыхлому телу Норманна и вдруг театрально застыл, уставившись на его ноги, обутые в леопардовые туфли на высоком каблучке. Незамеченным это не осталось.

– Что? Что не так? – всполошился математик.

– Норманн. Как это возможно? На тебе три вещи с леопардовым рисунком, а носить больше одной – считается очень дурным тоном!

– Ты уверен? – глаза Норманна беспокойно забегали. – В прошлом сезоне это было в тренде.

– А сейчас абсолютно недопустимо. «Андрогин» так пишет, – сурово промолвил Тиберий.

И вошел в подъехавший лифт с триумфом Персея, победившего Горгону Медузу.

Посещение Олимпа

Пятидесятый этаж разительно отличался от своих нижних собратьев умиротворяющей тишиной и пустотой. Интерьер стандартный – черный полированный пол, имитирующий мрамор, хромированные кадки с искусственными растениями. Отдавая дань традициям восточной релаксации, из скрытых динамиков услужливо раздавалось чириканье птичек, сопровождавшееся так называемой фоновой музыкой. То есть невнятной, тихой и не имеющей сколько-нибудь выраженной мелодии. Птички, призванные успокаивать мятущуюся душу, раздражали Тиберия особенно. Однажды, когда ему пришлось провести около двадцати минут в ожидании аудиенции, он искренне жалел об отсутствии какого-нибудь оружия. Но в этот раз обошлось. В приемной никого не оказалось.

– Я к мистеру Дарнли.

Тиберий окинул взглядом молоденькую, но уже весьма надменную секретаршу. Та заколебалась.

– А.... Вас ожидают?

– Да.

Ответ был лаконичным и уверенным, но она с большим сомнением еще раз взглянула на Тиберия, прежде чем подняться из черного кожаного кресла. Права аудиенции устаивались лишь немногие смертные, члены правительства, меценаты и другие небожители. Тиберий же подозрительно смахивал на профессора, о том говорил скромный недорогой костюм, дешевый смартфон и вообще по виду он выглядел как личность весьма подозрительная. Если вообще не на историка.

– Спрошу, – еще раз колебавшись, сказала она и робко заглянула за массивную дверь матового стекла. – Мистер Дарнли, к вам, гм... – посетитель. Мистер Краун... Вы можете войти.

Секретарша вжалась в дверной косяк, чтобы не задеть даже случайно сомнительного гостя. Не дожидаясь, пока его пригласят, Тиберий пнул медленно отъезжавшую в сторону дверь и вошел. В глаза резануло белым. Ярким, чистым, мертвым и голым цветом. Белым было все: стены, пол, потолок, мебель. За восемь лет его посещений этого кабинета он так и не привык к этой слепой, стерильной холодной белизне. Хоть этот цвет и был принят эталоном дизайнерской мысли и образчиком вкуса, олицетворял чистоту и совершенство нашего идеального века, Тиберия отчаянно тянуло на что-то погрязнее.

– Ну, привет, мистер Дарнли, – впервые за последние две недели искренне улыбаясь, сказал Тиберий, входя в кабинет.

Хотя и норматив обращения к гражданам Либертиона был принят десять лет назад, обротив сексистские «мужчина» и «женщина» в толерантные «феминилибертианец» и «маскулинолибертианец», приведя их к общему знаменателю «мистер», Тиберий до сих пор чувствовал неловкость, обращаясь так к женщине. Если подумать, разве не должна была женская половина общества взбунтоваться против такого гендерного доминирования? Почему «мистер», а не «мисс»? Но странная вещь – столетия женщины стремились уподобиться мужчинам, а никак не наоборот, к тому же и те, и другие всегда предпочитали общество мужчин.

– Лора... Я сучал. Но что за спешка? – Тиберий бесцеремонно развалился в широком кресле, стоявшем возле рабочего стола ректора.

Рука Лоры поспешно нырнула под стол, где, как он знал, находилась кнопка «белого шума» – неслыханная роскошь, право на которую имели только члены правительства. Но ректор университета – фигура не менее значимая, ибо что может быть важнее, чем формирование умов и настроений юного поколения, оплота державы?

– Две новости, – она веско подняла брови.

– Начни с хорошей.

– С чего ты взял, что есть хорошая? Однако к делу. Мы разработали программу, по которой раз в год один студент-выпускник с одиннадцати факультетов, выдержавший конкурс, отправляется на недельную экскурсию в один из старых городов. Пожалуйста, закрой рот, это еще не все. Сопровождать их должен глава исторического факультета, то есть ты. Там будет оборудована база со всем необходимым, в город вы будете выходить только для ознакомления...

– Лора. Ты хочешь, чтобы я был нянькой у десятка недорослей в течение недели?

– У одиннадцати. Лучших студентов университета. Вопросы?

– Только один. Зачем?!

– Правительство хочет, чтобы будущие специалисты могли почерпнуть свежие идеи на гниющем фундаменте прошлого. А заодно убедиться, сколь это прошлое неприглядно.

– Ах, вот оно что...

– Ладно, буду совсем откровенна. Исторический факультет хотели закрыть. Мол, достаточно вводного двухнедельного курса истории в начальной школе. Да-да, не изображай египетского крокодила, пытающегося проглотить солнце. И знал бы ты, чего мне стоило пропихнуть этот проект, да еще деньги под него найти. Ну скажи, – она в волнении посмотрела ему прямо в глаза, – неужели ты воочию не хотел бы увидеть то, о чем так много читал?

Она помолчала, потом тихо добавила:

– Мне удалось убедить Его. И он дал под это деньги.

Вот теперь Тиберию стало понятно, что выбора у него нет. Если проект спонсирует сам император, ни ему, ни Лоре не сойти с этого корабля до, разумеется, удачного завершения путешествия. Но его интересовало еще кое-что.

– Лора, значит, ты виделась с ним?

– Да, – нехотя ответила она.

– Тогда ты знаешь, как он выглядит...

– Знаю. Но, разумеется, не могу это обсуждать.

– А тебе не кажется довольно странным, что в наш современный век, когда принято каждый свой шаг являть миру, такая фигура как император столь тщательно скрывает свой облик и имя? Странный пиар-ход, не находишь?

– Тебя это удивляет? – Лора насмешливо прищурилась, – тебя, историка? Постарайся, припомни, такой, как ты выразился, пиар-ход уже был. И не однажды.

– Что ж, – он криво усмехнулся, голова все еще кругом шла от неожиданной новости, – как говорил такой же старый и облезлый волк-одиночка, как я: *«Мы принимаем бой»*.

Неловкую паузу разорвал негромкий, но назойливый звонок смарта Лоры. Она взглянула, поколебалась и выключила звук.

– Марта? – спросил Тиберий, попытавшись придать своему голосу несвойственную ему деликатность.

Лора расстроено кивнула.

– Опять поссорились?

– Не то что бы, просто...

– Значит, да, – Тиберий в упор смотрел на огорченную женщину. – Брачную лицензию продлевать будешь?

– Наверное, нет.

Она нервно забарабанила пальцами по столу.

– Но вы четыре года вместе! Сейчас такая редкость, когда кто-то хотя бы раз продлевает, а вы уже трижды!

– Давай о тебе, – она вздохнула и поспешила уйти от неприятного разговора. – Тиберий, ходят слухи...

Он расхохотался:

– Да неужели? И какие же? Что я садист и извращенец? Может быть, даже – тайный гетеросексуал?

– Ну не до такой, конечно, степени, но...

– И что прикажешь мне делать? Совокупиться со своим партнером на центральной площади?

– Ну, хотя бы. Нет, я серьезно – сходи со своим парнем в клуб, пусть вас там побольше народу увидит, селфи в кафе, селфи на танцах...

– Может, еще селфи в постели?

– Вообще хорошо бы. Уверена, Пол их тут же во всех соцсетях развесит, если прежде не лопнет от счастья. Ты ведь его не балуешь своим обществом, так? Пойми. Ты и так выделяешься своим внешним видом, ненормальным образом жизни, нельзя настолько плыть против течения! Ну, вот погляди на нас!

Она легко поднялась из-за стола и подвела его, смеющегося, к большому стенному зеркалу. Казалось, мужчину и женщину, отразившихся в его равнодушной поверхности разделяет лет двадцать, не меньше. На себя Тиберий не смотрел, но как всегда залюбовался своей одноклассницей – юное нежное лицо, волосы цвета столь любимого прерафаэлитами льна, причем свои, не крашенные. Женщины почему-то всегда красят свои волосы в какой-нибудь другой цвет, в независимости от того, сколь бы ни был красив их собственный. Она вполне могла бы сойти за германскую Лорелею, если бы не глаза. Переливчатые как яшма, они были не поромантически пронизательны, их строгий, острый взгляд, казалось, проникал в самую душу оппонента, заставляя того себя чувствовать примерно так же, как чувствует себя типичный государственный чиновник на Страшном суде.

– Вот. Полюбуйся на свою седину, морщины, а руки! Ты когда в последний раз был в маникюрном салоне?

– Никогда.

Она вздохнула, посмотрела на него с той нежностью, с которой смотрит адвокат на своего любимого постоянного клиента, чье дело он не может выиграть последние лет пятнадцать, благодаря чему безбедно существует.

– Не буду спрашивать, какие процедуры ты принимаешь по омоложению, просто дам тебе телефон моего доктора.

– Плевать я хотел на омоложение.

Он, все еще улыбаясь, повернулся к ней, взял за руку и спросил уже серьезно:

– Мы сто лет не виделись где-нибудь в приличном месте. Может, встретимся в лесу?

– Только после того, как ты поведешь себя, как хороший мальчик. Обещаешь? И тебе пора – экзамен начинается.

– Да, мама, – не удержался он от дерзкой шутки.

Лора вздрогнула от непристойного слова, но тут же, взяв себя в руки, улыбнулась. Достав что-то из ящика стола, она вложила ему в руку маленький предмет.

– Вот, возьми. Открой через неделю, не раньше. И не сердись на меня. Если сможешь.

Удивленный неожиданным подарком, странными словами, он, хотя и чувствовал огромную благодарность за все, что она для него сделала, все же не смог скрыть досаду, за очередной отказ просто увидеться, поговорить свободно и не важно, о чем...

– Спасибо, – сухо промолвил он и уже повернулся к двери.

– Тиберий. Я ведь все знаю.

Он вздрогнул, медленно повернулся и спокойно спросил:

– Как давно?

– С первой минуты, как я тебя увидела.

Классика мертва, да здоровствует классика

Экзамен прошел быстро и без приключений. Поскольку мысли Тиберия были далеко за пределами аудитории, сегодня он был особенно ленив и не любопытен. Никаких каверзных, мучительных по своей сложности вопросов вроде: *«Иисус родился до нашей эры или после?»* Немногочисленные студенты, посещавшие курс истории, его любили. За глубокие, энциклопедические знания, за искреннюю страсть к своему предмету и даже за его довольно ядовитый юмор. Когда Тиберий, который последние сорок минут уже мысленно бродил по мощеным улочкам Берлина, с облегчением вздохнув, поднялся из-за стола, к нему несмелой походкой подошел круглолицый, светловолосый юноша, нервно прижимавший к груди сверток коричневой бумаги.

– Сэм Беккет? Вы не согласны с оценкой?

– Нет, что вы, сэр, – парень расплылся в широчайшей улыбке. – Просто... Сегодня последний день, возможно, мы уже не увидимся. Ну, как учитель и ученик, я имею ввиду... – он покраснел еще сильнее. – И я хотел на прощание сделать вам подарок.

Тиберий принял сверточек и, еще не сняв бумаги, понял, что внутри. Удивленный и растроганный он посмотрел на своего студента, который, все больше волнуясь, глядел на него восторженными глазами.

– Книга? Настоящая бумажная книга? Сэм, вы с ума сошли. Вам же это, должно быть, в целое состояние обошлось!

– Это не просто книга! Это «Анна Каренина» Лео Толстого. Вы нам про нее рассказывали, и я понял, что вам эта история вроде как интересной показалась, с исторической, разумеется, точки зрения.

– И... – Тиберий недоверчиво смотрел на юношу, – где же вы ее купили?

– В антикварном магазине!

– Легально?!

– Да, а что? – немного смешался Сэм, – мы живем в свободной империи...

– Конечно, конечно, – отмахнулся Тиберий и, все еще не веря такому счастью, рванул обертку. В последнюю секунду в мозг закралось страшное подозрение – очень уж маленькой и легковесной была книга, наверняка издана после сорок второго года, когда редакторам издательств был дан полный карт-бланш на корректуру. И заключалась она обычно в довольно смелом сокращении текста. Все ненужное, лишнее, запрещенное, все, что могло утомить читателя и вызвать скуку, решительно выбрасывалось, оставалась самая суть. Ну а если сути было, что называется, маловато, то добавляли. На свое усмотрение. Словом, снимая упаковку, Тиберий несколько морально был готов. Но не к такому.

На всю обложку, за исключением золотой виньетки, разумеется, была эффектная фотоиллюстрация. Но это бы ладно, рисованные иллюстрации давно канули в Лету, как дорогостоящие и несовершенные. Но вот сцена, на ней запечатленная, вызвала у Тиберия легкий приступ мигрени. В алькове, на смятом шелке простыней вовсю резвились Вронский и Каренин (последнего Тиберий опознал по нелепым, криво приклеенным бакенбардам), а Анна умиленно взидала на них, натурально, а не в переносном смысле, держа над ними свечку. Из вежливости, понимая, сколько денег Сэм отдал за эту профанацию, Тиберий полистал. Книга была не слишком большого объема. Конечно, история создания мира изложена в пятистах словах, здесь же рассматривался предмет куда менее содержательный, но и из шестидесяти страниц, по меньшей мере, двадцать были отданы под фотоиллюстрации. И сюжет их не сильно отличался от обложки. Тиберий приложил титаническое усилие и выдавил благодарную улыбку.

– Спасибо. Я такого... никак не ожидал.

Приняв этот страдальческий оскал за выражение радости и признательности, счастливый Сэм распрощался, и Тиберий, наконец, обрел свободу. «Придется до дома эту мерзость нести. Если тут в урну выбросить, еще чего доброго парнишка увидит». Сунув книгу в портфель с покорностью христианского мученика, влачащего свой крест, Тиберий покинул аудиторию. Проходя мимо урны, призывно скалившей пасть в лифтовом холле, внимание Тиберия привлекло нечто яркое, рыже-пятнистое. Почти все пространство многострадальной урны занимал леопардовый пиджак, сверху покоилась белая сумочка. Полчаса назад украшавший ее леопардовый треугольник был безжалостно оторван, очевидно, вначале Норманн пытался отделаться малой кровью. Представив, как тяжело бедняге будет весь день ходить, рассовав бесчисленные губные помады, кремы, тушь и прочие обычные мужские аксессуары по карманам, Тиберий весело зашагал на парковку.

Сражение в раю

Красивый, неестественно розовый закат окрасил вечернее небо. Тиберий, вынужденно бездействовавший на заднем сиденье, рассеянно смотрел на многоцветный поток машин, бережно и безопасно несущий своих пассажиров домой или к обычным вечерним развлечениям.

«Интересно, сколько из них знают, что над их головами сейчас не настоящее небо? Творение всемогущих дизайнеров, моделируемая иллюзия передает максимально приятные глазу оттенки. Там, в вышине, над сферическим куполом возможно идет дождь и дует пронизывающий ветер, но люди об этом не знают. Да, мы имеем несколько пасмурных дней в месяц, но и их создали потому, что по данным социологов многим нравится умеренно плохая погода. Когда за окном пасмурно, можно уютно устроиться под флисовым пледом, имитирующим шотландскую шерсть, и, сидя перед электронным камином, выпить чашку без кофеинового кофе. Все эти аксессуары были бы совершенно не нужны без пасмурных дней, и никто бы их не купил в современную теплую квартиру, а ведь чем больше вещей покупает человек, тем лучше для производства. Все в наши дни превратилось в суррогат – виртуальные игры вместо войн, аспартам вместо сахара, фальшивые окна в кабинетах офисных клерков, обои с имитацией кирпича, положенные на гипсокартон, стыдливо прячущий кирпичную стену. Или праздники...» Однажды, пребывая в шутовском настроении, он спросил своих студентов: «Чему же, собственно, посвящено Рождество?» И получил в ответ гремучий коктейль из пластмассовых Санта Клаусов, традиции дарить подарки, празднования середины зимы и какого-то Иисуса, который улыбается на поздравительных открытках.

«Впрочем, идеальный мир и не должен быть другим. Есть настоящий мед – значило бы отнимать его у бедных пчел, натуральное мясо является плотью убитых животных, а естественное рождение детей чревато их болезнями и несовершенством. Возьмем же все под контроль и будем милосердны более, чем Бог. А коль уж мы уподобились Богу, к чему он нам теперь? Аминь. Мы стали лилиями Господними, что не сеют и не жнут, мы не творим зла, ибо все наши нужды удовлетворены сверх меры».

– Мы прибыли к пункту назначения «Эдем», сэр, – прервал его размышления деликатный голос автомобиля.

Тиберий ухмыльнулся. Машина помедлила на пропускном пункте, ожидая, пока просканируют его пропуск.

«Эдем. Интересно, создатели этого жилого сектора просто руководствовались незыблемыми стандартами менеджмента, обязанного рисовать перед предполагаемым потребителем райские кущи, или обладали утонченно-извращенным чувством юмора? Бесконечные прямые как стрелы ряды домов, одинаковые снаружи и внутри. Ну хорошо, не совсем одинаковые внутри, иначе чем кормилась бы армия интерьерных дизайнеров?»

Ему вспомнился диалог с навязанным Лорой дизайнером, явившимся облагородить его холостяцкое логово. Вначале юноша произнес длинный и внушительный монолог о необходимости сочетать комфорт, современность и оригинальность в его еще девственном интерьере (Тиберий, только что приобретший квартиру, последнее, что намеревался в ней делать, так это городить какой-то дизайн, но увы...). Однако увидев, что с тем же успехом он мог бы взывать к колоссу Абу-Симбел, в надежде пронять последнего сентенциями в области современной дизайнерской мысли, он перешел к делу: «Спальню в какой цвет красим? Рекомендую выбрать между оттенками „снежный блеск“, „горная лилия“, „белые облака“. Вот образцы». Тиберий с минуту рассматривал совершенно одинаковые белые листики. Потом спросил:

– А в черный можно? Спится лучше.

Ужас жреца храма креатива с трудом поддается описанию. Когда Тиберию надоело слушать его стенания, состоявшие из причудливого коктейля восточной философии, современной психиатрии и его личных (весьма поверхностных) познаний в области архитектуры, он поинтересовался: «Разве задача дизайнера не в том, чтобы реализовать желания клиента?»

Оказалось – нет, задача дизайнера состоит в том, чтобы объяснить неразумному клиенту, как именно будет лучше для него, и это необходимо выполнить, не взирая ни на какие возражения. В итоге квартира была полностью переделана, но разницы Тиберий, как ни старался, так и не увидел.

Тиберий припарковал машину в одном из безликих бетонных дворов и с каким-то мстительным удовольствием прослушал ее истерический монолог. «Невозможно найти данную парковку в базе! Нет связи со спутником! Не могу произвести оплату! Сэр, вы нарушили правило такое-то и такое-то. Но я не могу передать данные – нет связи!»

– Вот и хорошо, – нежно ответил Тиберий, – а теперь заткнись, стой здесь и жди меня.

Машина угрюмо смолкла. Тиберий ласково похлопал ее по полированному боку, как строптивого, но любимого коня, и, насвистывая, пошел по разбитому дорожному тротуару. Трудно даже представить, что всего несколько лет назад здесь кипела жизнь, все было молодым и свежим. Эдем. Колыбель империи. В этом огромном, теперь заброшенном, районе прежде жили те, кто построил великий Либертион. Город-империю, великий современный Вавилон, царство разума и свободы.

На перекрестке нужно было повернуть направо, но Тиберий помедлил, глядя на покосившийся указатель «Улица мира. 2 км». В Эдеме улицы еще имели названия, более современный и практичный Либертион их решительно отверг. Там, на «Улице мира», его старая квартира. Надо бы как-нибудь зайти, посмотреть. Наверное, окна разбиты, что весьма вероятно на первом этаже, некогда стриженный газон превратился в джунгли из полыни и дикой мяты. Однако не сейчас, время поджидает, он и так опоздал. Тиберий ускорил шаг.

Как отличаются постаревшие современные дома от их старинных собратьев! Шедевры архитектуры барокко и готики с возрастом только обретают особый, только им присущий, лоск, пыль и патина делают еще более таинственными и прекрасными их точеные рельефы и скульптуры. Современные же здания, лиши их хотя бы ненадолго ухода, становятся похожи на помятые картонные коробки, гниющие под дождем. Их красота прямо зависит от чистоты и блеска, лишь только грязь или малейшее разрушение коснется их прямых и гладких стен, сколь жалкими они становятся. Так старая тарелка майсенского фарфора постепенно становится антиквариатом, ее же пластиковая современная коллега – мусором.

Тиберий, предварительно оглядевшись по сторонам, вошел в неприметный дворик, похожий на тысячи своих собратьев, открыл ржавую дверь и пошел вниз по скудно освещенной грязной лестнице. Чем ниже он спускался, тем громче звучал многоголосый шум и крики толпы. В конце темного коридора огненной пастью Вельзевула горел арочный проход, который венчала фанерная табличка с надписью от руки: «Панкратион. Бои без правил»

Как и любая реклама, даже здесь пустившая свои сорные корни, табличка лукавила. Правила, безусловно, были в этом клубе, куда тайком пробирались по вечерам успешные бизнесмены, юристы, финансисты, словом, люди, созданные для битвы и имевшие несчастье родиться в столь мирное и благополучное время. Правила, и конечно, запреты. Помимо обычного списка табу строжайше запрещались захваты и манипулирования пальцами. В принципе, ничего удивительного, для современного человека – это главная часть тела, самая необходимая для выживания. Не сможешь стучать по клавиатуре – лишишься и хлеба насущного, и друзей, и близких. Удары в лицо так же не приветствовались. Тиберию на это указали особо в первый день его членства. При этом о запрете на удары в пах ничего сказано не было. Что поделать, в наши дни лицо важнее гениталий.

Тиберий вошел в раздевалку, впрочем, не сразу. Дверь буквально не закрывалась, то выпуская, то выпуская людей. Мужчины и женщины переодевались вместе, ведь они не должны были вызывать интерес друг у друга. Там он быстро разделся, сменив деловой костюм на шорты и обтягивающую футболку. Сегодня было уж оченьлюдно, он едва нашел место на узкой железной лавке, чтобы поставить портфель.

– Привет, Ворон, – худая, высокая брюнетка крепко пожала ему руку.

Здесь знали друг друга по кличкам. Меньше всего членам клуба хотелось, чтобы хоть какая-то информация просочилась за стены «Панкратиона». Абсолютно все, происходившее здесь по вечерам было решительно незаконно. Владел заведением некто мистер Смит. Маленький, весь какой-то прозрачный, этот человек обладал поистине редким чутьем в бизнесе. Придумав и воплотив в жизнь идею создания тайного бойцовского клуба, он легко и безошибочно находил потенциальных клиентов. Зажатые в тисках деловой этики, вынужденные сдерживать себя, и целый день быть милыми, приятными и добропорядочными, здесь люди имели бесценную возможность на несколько минут стать сами собой. Забыть о кредитах в банке, перестать беспокоиться, достаточно ли громко смеялся, когда начальник рассказывал анекдот. Сам мистер Смит понимал членов своего клуба не более, чем фригидная проститутка своих клиентов, но с тем же успехом извлекал выгоду, рассуждая: «Если люди с удовольствием платят пять сотен в месяц за надежду получить по шее, благослови их небеса. И их чаяния».

В раздевалку вошла плотненькая девушка с мобильным терминалом. «Кто еще не оплатил взносы за этот месяц?» – спросила она. Тиберий положил ладонь на считывающее устройство. Платил он по факту за посещение салона тайского массажа. Как это удалось мистеру Смиуту, ведь давно канули в лету легкомысленные времена, когда человек мог бесконтрольно платить за все, что ему вздумается, бог весть, но в чувстве юмора ему отказать было трудно. Когда с оплатой было покончено, он помог Никте, так звали его знакомую, снять накладки с рук.

– Все еще шестиунциевые носишь? Ты ведь не новичок.

– Сменю на такие, как у тебя. Сегодня просто жуть! Одному парню ключицу сломали, сплошные нокауты. Как будто у всех была трудная неделя.

– Так и есть. Ты-то уж знаешь, что на бирже творилось. Ладно, я пошел.

Он кивнул на прощание Никте и направился ко входу в зал, откуда выносили чье-то бездыханное тело. На входе пробка (и здесь!), но едва Тиберий вошел, точнее, втиснулся в переполненный зал, смуглый, коренастый жеребьевщик выкрикнул его имя. Пока Тиберий пробирался к рингу, взгляд выхватил в толпе новое лицо – юношу, по виду – почти мальчика. Женственный, худенький, одет с иголочки, длинные, светлые волосы тщательно уложены, типичный «куполка». Однако ж лицо с ярко выраженными индивидуальными чертами, значит ровесник Тиберия, если не старше. В лапках, точно бурундук орех, крепко стиснул смартфон. Тиберий поморщился. Ясно, из «любопытствующих». Мистер Смит принимал в члены клуба не только тех, кто хочет надругаться над ближним, но и желающих на это полюбоваться. Правда, плату за это брал тройную. Но вот странность – обычно на лице таких людей восторг и вожделение, «куполка» же взирал на происходящее с ужасом и каким-то недоверием. Руки у него явно дрожали, лицо – блее мела. Посочувствовать ему Тиберий не успел – на ринг поднялся его противник.

– Бык против Ворона! – радостно заорал рефери.

Бык – не то слово. Весовые категории здесь учитывать было не принято, как и в нормальном уличном бою. Единственным шансом Тиберия было как можно быстрее перевести бой в партер, и он этот шанс не упустил. Повалив рычащего от ярости исполина, Тиберий зажал его плечи «распятием», свободной рукой передавив горло. Обычно этот болевой прием даже самых нестигаемых энтузиастов заставлял постучать ладонью, но этот не сдавался.

– Ну же! – прохрипел Тиберий срывающимся от напряжения голосом, – Или я нажму сильнее.

Но тот лишь ревел от боли и ярости. Секунды застыли в воздухе. И рефери не останавливает поединок. Тиберий ощутил сильнейшее желание дожать, услышать хруст ломаемых костей. Что с ним? Права была Никта, что-то странное сегодня в атмосфере.

Когда судья поздравил Тиберия с победой, его соперник, багровый от злости и пережитого поражения, прыгнул в толпу, бросив на прощание: «Еще встретимся». Что ж, он не против. Сегодняшний вечер не принес удовлетворения – слишком легкой была победа.

Когда Тиберий вышел из клуба, на улице резко похолодало. Он с удовольствием подставил разгоряченное лицо порывистому майскому ветру и прошептал: «Сейчас домой.., выключить смарт.., сварить кофе...»

«Помогите!» – раздался истошный крик из соседнего двора.

Тиберий вздохнул. Мечты о приятном вечере скоростно скончались. В подворотне обнаружился вопящий «куколка», но выглядел он уже не столь презентабельно. Модный плащ порван, из разбитого носа течет кровь. Он не сразу заметил прибытие спасательной экспедиции и надрылся изо всех сил, очевидно, в надежде, что его услышат в местах более мирных и благостных, чем Эдем. Вообще, у него был реальный шанс добиться успеха, Тиберию еще не доводилось слышать дискант такой пронзительности, будто свисток у закипающего чайника.

– Несolidного противника себе выбрали, ребята, – весело крикнул он четверым мужчинам, окружившим трясущегося от страха юношу.

– Он шпионил, – процедил сквозь зубы самый крупный из них, державший «куколку» за лакированную челку.

В это время выглянула из-за тучки кокетливая луна и осветила сцену грядущей трагедии своим романтическим светом. «Бык! И ты здесь», – узнав друг друга в волшебном лунном сиянии, недавние противники просветлели.

– Ребята! Это же наш чемпион. А ну иди сюда, побеседуем.

На этот зов, полный искренней страсти и желания, Тиберий откликнулся охотно. Ничто так не раздувает пламень души нашей, как падение всех запретов. Сначала он себя сдерживал, стараясь просто вывести противников из строя, не калеча. Они же столь деликатны не были, когда Тиберий сломал одному из них предплечье, тот выдал такой поток нелитературной лексики, что оставалось радоваться об отсутствии в Эдеме спутниковой связи. Что бы выплатить штраф, парню пришлось бы продать квартиру. Но когда Тиберий получил удар в лицо обломком металлической трубы, его гуманистические идеи отошли в иной, лучший мир. Гуманизм хорош в более комфортабельных условиях. Приятно, сидя на диванчике в уютном кафе, беседовать о любви и всепрощении и говорить о том, что если бьют тебя по щеке, то следует подставить другую. Если это будет делать полуобнаженная красавица в рамках изящной игры, то да, он не против. А вот четыре озверевших джентльмена в темной подворотне – это неприятно.

К реальности Тиберия вернул окрик: «Ни с места! Полиция». Строго говоря, с места сходить никто и не собирался. Противники Тиберия сделать этого не могли по причинам техническим. Один, лежа на животе, активно зарабатывал себе на грандиозный штраф, сотрясая воздух недобрыми пожеланиями в адрес Тиберия, еще двое не подавали признаков жизни. «Куколка», напоминавший тень даже не отца, а скорее матери Гамлета, тихо скулил у стены, точь-в-точь Лорин бульдог Ланселот, когда у него отнимают печень. Сам же Тиберий с огромным сожалением медленно разжал руки, осознавая, впрочем, что все сложилось удачно. Вряд ли убийство украсило бы биографию профессора истории. Бык, второй раз за вечер окрасившийся в благородный цвет знамени революции, кашлял, подобно чахоточной аристократке серебряного века, и жадно ловил ртом воздух.

– Сэр, вы едва не совершили убийство в состоянии аффекта.

Тиберий, все еще сидевший на груди поверженного противника, поднял залитое кровью лицо. Повезло. Робот-полицейский протягивал ему руку. Если бы пришлось иметь дело с людьми, сколько сейчас было бы вопросов и проблем. Эти же без эмоций просто делают свое дело. Насколько лучше был бы мир, если бы все просто делали свое дело. Однако, как же они приехали? Ведь здесь даже телефонная связь не работает, и полицейский патруль игнорирует это место, как чумное кладбище.

Когда Тиберия сажали в полицейскую машину, к ним подошел «куколка», шатаясь, как пьяный матрос на палубе.

– Почему вы спасли меня?

– Разве можно было пройти мимо? – слегка удивился Тиберий.

– Спасибо, – тихо промолвил злополучный искатель приключений и в задумчивости удалился.

Цена поэзии

В машине стражи порядка предложили Тиберию ехать в больницу, но он решительно отказался. Сейчас его ум занимало другое – во сколько лет вынужденного отдыха ему обойдется спасение юного безумца? Конечно, это зависело от того, насколько он переусердствовал с теми двумя, которые сохраняли подозрительное спокойствие, находясь в столь неудобных позах на асфальте. Но даже если принять лучший вариант (если они живы), получалось чуть поменьше, чем провел великий волшебник Мерлин, запертый в зачарованной пещере. Но у Мерлина было два неоспоримых преимущества. Во-первых, он был волшебником и наверняка мог наколдовать себе каких-нибудь развлечений, чтобы скоротать двести восемьдесят шесть лет, а во-вторых, он попал в эту прискорбную ситуацию по вине очаровательной колдуньи Нимуэ. Человека хотя бы понять можно. Но здесь! Его размышления на тему актуальной во все времена человеческой глупости были прерваны. Машина остановилась, и полицейские высадили опарашенного борца с несправедливостью у подъезда его собственного дома. И уехали, пожелав спокойной ночи и скорейшего выздоровления. Постояв на улице минуту с открытым ртом, он пожал плечами и поднялся к себе.

Едва переступив порог, Тиберий понял, почему мужчины в прошлом веке не горели желанием связать себя узами Гименея. Не успел он включить свет, как монитор на стене засветился, и Лора обрушила на него весь свой праведный гнев:

– Ты почему к смарту не подходишь?!

– Разбился, – Тиберий продемонстрировал пустой ремешок на своем запястье.

Лора не слишком смутилась:

– Это не главное! Как мог ты столь безрассудно...

Совершенно ее не слушая, Тиберий поплелся за аптечкой. Хвала современной медицине, завтра он будет почти похож на человека. Вот только открыть шприц с антибиотиком оказалось не просто, только сейчас он обратил внимание на выбитые суставы правой руки. Болел каждый дюйм тела, а в особенности голова, и нотации начальницы не несли в его душу покоя и мира. Особенно мучительно прошла процедура самостоятельного ремонта носа. Украдкой вытерев не санкционированно выступившие слезы, Тиберий спросил, стараясь придать голосу легкость и непринужденность:

– Поедешь со мной на реку? На этой неделе. Майкла тоже возьмем. Надо же ему хоть иногда отдыхать от своих подопечных, он уже месяц из клиники не вылезает.

Такая резкая смена темы вкупе с полным небрежением к ее нотациям Лору не порадовала:

– Послушай, это просто смешно...

Хуже она сказать не могла. Тиберий, отвернувшись, чтобы она не видела выражение его лица, процитировал давно забытые строки:

*«Пленительная, злая, неужели
Для вас смешно святое слово друг...»*

– Тиберий, ты что, это же запрещенные стихи! – Лора была явно напугана, и такой он видел ее впервые.

*«... Вам хочется на вашем лунном теле
Следить касанья только женских рук?
Прикосновенья губ, стыдливо-страстных,
И взоры глаз, не требующих, да?»*

– Ты с ума сошел, это же шесть месяцев тюрьмы, замолчи, умоляю!

«Она умоляет? Ради этого и шесть месяцев не жалко». Он пошел в ванную, касаясь рукой стены. По ее поверхности, облагороженной «белыми небесами» (или «снежными лилиями»?) потянулись кровавые полосы.

*«...Неужто в сновидения неясных
Вас детский смех не мучил никогда?»*

– Полиция, конечно, уже едет.

*«...Любовь мужчины – пламень Прометей
И требует, и, требуя, дарит...»*

Резкий звонок в дверь. А это, наверное, и вправду полиция. Прежде, чем коснуться дверной ручки, Тиберий повернулся и посмотрел Лоре в глаза:

– Едешь со мной?

– Да!

Он удовлетворенно кивнул и открыл дверь.

– Добрый вечер, сэр. Вы нарушили закон и должны поехать с нами.

– Только не сейчас, – улыбнулся Тиберий.

Он повернулся еще раз взглянуть на монитор и тут же получил разряд электрошока в шею.

Бархатная длань в железной перчатке

Тиберий открыл глаза и тут же смежил веки. До того неприятен был ослепительно-белый свет. Цвет, даже запах казался белым: смесь химических средств чистки с фальшивым ароматизатором «Ландыш», совершенно не идентичным натуральному. «Либо я умер, либо в кабинете Лоры. Даже не знаю, что хуже», – собравшись с силами, он сел на постели и огляделся.

Белые стены, пол, потолок и весьма аскетичная мебель. Впрочем, не все стены. Одна казалась сплошной зеркальной гладью, но его острый глаз заметил тонкие линии, вычертившие полотно двери. «Да я же в тюрьме!» – догадался он, наконец, и с живым любопытством огляделся вокруг.

С веселым удивлением отметив, что пространство камеры вдвое больше его квартиры, а обстановка имеет приятные излишества вроде журнального столика, Тиберий уже почти все-ррез прикинул, что и кухня наверняка окажется приличнее его одиноких ужинов. Пока он был без сознания, чьи-то умелые руки вправили вывихнутые кости, перевязали раны, а от мелких ссадин и следа не осталось.

С наслаждением вытянувшись на широкой и мягкой кровати, Тиберий подвел итоги вчерашнего вечера: «Едва не отправил на тот свет четверых – отвезли домой и поблагодарили. Прочитал стихотворение – арестовали и посадили в тюрьму. Как тут не вспомнить историю с Матиссом. Когда великому мэтру живописи задали вопрос: «Что важнее – «Как?» или «Что?», имея ввиду вечную дискуссию о главенстве темы или стиля. Он ответил: «Важнее всего «Кто?». Воистину, все в мире относительно. И нет ничего нового под луной – благословляли же крестовые походы, включавшие в свою программу сожжение деревень и убиение мирных жителей, и в то же время карали за ересь тех, кто иначе читал псалмы. Однако, как же Лора узнала?»

И тут фрагменты мозаики сложились в целостную картину. Только один человек мог вызвать полицию там, где нет никакой связи. Только один человек мог быть настолько слеп и самоуверен, чтобы пойти одному и без охраны в Панкратион. Человек, который близок с Лорой настолько, что показал ей свое лицо. Тиберий расхохотался: «Император! И чего беднягу туда понесло? Хотел стать ближе к народу? Однако сейчас лучше озаботиться своей судьбой».

Тиберий взглянул на свое отражение в зеркале, как вдруг... Он застыл. Медленно, боясь поверить своим глазам, он повернулся. На стене за его спиной висел огромный постер в хромированной раме и изображенный на нем котенок, декорированный гигантским бантом цвета фуксии, мрачно смотрел своими пустыми, круглыми, как чайные блюдца глазами. Рядом плакат побольше, на нем уже два исполинских котенка катают странный шар из шерстяных ниток. Тиберий с такой силой вдавил кнопку вызова охраны, что едва не сломал ее.

– Что это!? – охрипшим голосом спросил он у вошедшего охранника, указав пальцем себе за спину. Поворачиваться желания не было. Ощущение было примерно, как у древнего славянина, пошедшего ночью искать цветущий папоротник. Со всех сторон чудища из тьмы глядят своими страшными глазами, они лишь призраки, но стоит повернуться – тотчас обретут плоть.

Охранник немного удивился. Затем менторским тоном, ни дать, ни взять – гувернантка, которой шаловливые подопечные принесли анатомический атлас и требуют объяснения, ответил:

– Котята, сэр.

– Я это и сам вижу. Но зачем?

– По данным психологов, сэр, котята являются наиболее приятным для человека изображением, так сказать, создают психологический комфорт. Они лидируют в интернет-запросах, – и, видя ужас и непонимание в глазах заключенного, снисходительно пояснил:

– В тюрьме человек и так унижен несвободой, в остальном его права не должны ущемляться, ему должен быть создан благоприятный психологический климат.

– Но если я не хочу видеть этих тварей?

– Весьма сожалею, сэр.

– Но они ущемляют мои права! Это вполне можно приравнять к пыткам.

Дискуссию прервал другой охранник, внесший на подносе дымящийся кофе, тосты и золотистый обжаренный камамбер с брусничным джемом. Тиберий исхитрился сесть так, что котят не было видно даже в виде отражения в зеркальной стене. Когда с завтраком было покончено, а поднос услужливо унесен, охранник сообщил:

– К вам посетитель.

В ту же секунду на его запястьях защелкнулись холодные металлические наручники. Охранники разошлись, встали по обеим сторонам двери и застыли, обретя удивительное сходство с египетскими стражами гробниц, обещавшими незадачливому мародеру, что «ужас, летящий на крыльях ночи» непременно его найдет. И прежде, чем Тиберий успел задать вопрос, дверь открылась, и в комнату стремительным шагом вошла Лора, похожая на германскую валькирию – разметавшиеся пряди светлых волос, потемневшие от гнева глаза. Он поднялся ей навстречу и едва не упал обратно, с такой силой она ударила его по лицу. Два экземпляра «ужаса, летящего на крыльях ночи» ожили и несмело приблизились к Лоре, которой, видимо, показалось мало, и она наградила Тиберия другой пощечиной, отчего он почувствовал вкус крови во рту.

– Мистер Дарнли... – заблеяли они несмелыми голосами.

Лора медленно повернула голову, и бравые стражи порядка попятились.

– Пошли вон отсюда.

Она сказала это очень медленно и тихо, но парни мгновенно ретировались за дверь. Лора развернулась к Тиберию.

– Как смеешь ты... – зашипела она и замахнулась для третьего удара.

Но Тиберий поймал скованными руками занесенную ладонь и, глядя ей в глаза, прижал ее тыльной стороной к окровавленным губам. Улыбнулся, увидев, как расширились и стали бездонными колодцами зрачки многоцветных глаз. Она тут же вырвала руку, но он слышал, как участилось ее дыхание, видел, как раскрылись плотно сжатые губы. Она опустила ресницы, не выдержав его спокойного, ласкового взгляда. И другая картинка встала перед глазами: девочка с льняными волосами, стоящая на крыше исполинского здания. Под ногами грохочущая бездна тротуаров, людей, машин. И она, глядя вниз, медленно наклоняется, перегнувшись через парапет, все ниже и ниже над холодной пустотой...

Всего лишь пара метров отделяла его, стоявшего за выступом стены, но какими длинными ему показались эти метры! И когда руки успели подхватить ее, падающую вниз, она повернула к нему отрешенное, будто бы сонное лицо и спросила: «Зачем?» – «Ты не имеешь права» – ответил он, задыхаясь от бьющего в лицо ветра, и только что пережитого волнения, – «Ты нужна». И те же самые слова сейчас сорвались с ее губ. Он почувствовал вину. В самом деле, она так много сделала для него, по сути, воплотив в жизнь его мечту, и чем он отплатил?

– Прости, — первый раз в жизни сказал Тиберий. – Боюсь, я не успею отсюда выбраться до среды. Придется кому-то другому сопровождать студентов.

– Вот разве тебя признали бы сумасшедшим, – вздохнула Лора и ехидно добавила, – тем более, что это правда. Тогда тебя уже сегодня удалось бы отсюда вытащить.

– В психиатрическую клинику? Где...

– Где тебе самое и место. Но главное, что там всем заправляет Майкл Сторм, а значит максимум, что тебе грозит, это походить на нравоучительные лекции к психологу.

– Лучше я в тюрьме посижу, – фыркнул Тиберий, но увидев ее нахмурившиеся брови, примирительно склонил голову. – Ладно, ладно. Ты конечно права.

– Да, – вздохнула Лора. – Но совершенно не представляю – как это устроить?

Очень медленно, как тигр, выследивший беспечную лань и боящийся ее спугнуть, Тиберий сделал шаг вперед. Понимая, что каждое его движение фиксируется камерой и каждое их слово записывается точно так же, как в обычной квартире, он как бы случайно наклонился к Лоре.

– Если ты не против мне помочь...

– Конечно, – ответила она, все еще не понимая.

– Ты уж прости, – шепнул ей Тиберий и, прежде чем она успела опомниться, шагнул вперед, забросил скованные руки ей за спину, тем самым обняв.

Лора, ахнув, резко дернулась, пытаясь освободиться, но он подхватил ее за талию, бросил на постель, навалившись сверху всем телом. Нашел ее полуоткрытый в немом крике рот и принял жадным поцелуем. Ее губы попытались сжаться, но неожиданно шевельнулись в робкой попытке ответить. Он нетерпеливо раздвинул ее ноги своими бедрами, опустил на впалый живот, впервые почувствовав под собой упругую мягкость женского тела. Так ново это было, сильно и ярко, что он не услышал криков охранников и едва ощутил разряд электрошока, прежде чем погрузиться в темноту.

Врачеватель душ

Формальности были улажены в кратчайшие сроки, и, уже в три часа по полудни, Тиберий вошел в кабинет психолога. Доктора на месте не обнаружилось, очевидно, посетителей не ждали. Тиберий опустился в мягкое светло-серое кресло. Слишком мягкое. Кресло подстраивалось под малейший изгиб тела, было столь эргономичным и как бы незаметным, что казалось, тебя нежно обнимает щупальцами громадная бархатная медуза. Устроившись в кресле, он огляделся. Приглушенный свет, абстрактная картина на стене, изображавшая умиротворяющие бледные пятна на тусклом фоне, окна скрыты светло-серыми экранами, мягкий, светло-серый ковер. Обстановка нагнетала покой и умиротворение с неумолимостью злого рока. То ли вздремнуть, то ли повеситься. Но тут дверь бесшумно открылась и впустила девушку, которую смело можно было бы назвать красавицей, если бы не выражение мудрости и всепонимания на лице. Сев за стол, она тут же уставилась в монитор, едва взглянув на своего пациента.

– Здравствуйте... – она еще раз посмотрела на экран, видимо, испытыв затруднения с его весьма нетипичным именем, – Тиберий. Какое необычное имя.

Она вопросительно вздернула брови, уставившись на него большими, чуть на выкате серыми глазами.

Он привычной скороговоркой ответил:

– Воспользовался третьей поправкой к закону «О имени» – «каждый либертионец имеет право по достижении шестнадцати лет изменить имя на...»

– Я знаю об этой поправке, – сухо прервала его психолог, – меня интересует, почему вы выбрали именно это? Кажется, это был какой-то жестокий римский император?

– У вас необычно глубокие познания в истории, – улыбнулся Тиберий, безуспешно пытаясь замаскировать издевку под комплимент. – Да, так и есть. Впрочем, жестоким Тиберия считали его высокородные подчиненные, недовольные его борьбой с коррупцией и введенным налогом на роскошь. Меня же так дразнила моя одноклассница...

В памяти всплыло узкое, смеющееся личико в обрамлении золотистых кудряшек. И лето, далекое, жаркое, пахнущее полынью и пылью, прогулки по каменным улицам «Эдема», лазурное июльское небо над головой, звонкие, пронзительные крики стрижей. Их два года спустя переловили и депортировали вместе с голубями, воронами и прочей неопрятной публикой, не уважающей незыблемый общественный правопорядок и не умеющей пользоваться санузлом.

– ...Я привык отзываться на это имя, понимаете? – он насмешливо взглянул на застывшего в кресле врача, чья фигура прекрасно подходила для создания образа – «оскорбленная добродетель».

Она не понимала. Но в силу профессиональной этики от высказываний отказалась.

– Так, с чем вы ко мне пожаловали... – она углубилась в чтение его, уже не маленькой, как он с тревогой заметил, карты.

Чем больше она читала, тем мрачнее становилось выражение ее красивого лица. Затем доктор нырнула в недра рабочего стола и, порывшись там некоторое время, извлекла, к удивлению Тиберия, настоящий лист бумаги и раритетный карандаш.

– Нарисуйте мифическое животное.

– Что? – в первую секунду он решил, что ослышался.

– Животное. Любое. Возможно, не реальное, – она кончиками пальцев подтолкнула к нему лист бумаги, словно боялась, что коснется его руки.

На секунду Тиберий растерялся, но тут в памяти услужливо всплыло лицо Норманна, и он, улыбнувшись, быстро нарисовал на бумаге жирную свинью с задранным кверху пяточком и хвостом. Подумал и для большего сходства пририсовал кокетливую челку. Прикинув и придя

к мысли, что вышло не слишком мифически, а скорее реалистично, добавил свинье непропорционально маленькие крылышки. Психотерапевт рисунок забрала и пару минут Тиберий наблюдал, как лицо ее становилось все более трагическим.

– Да. Печально, очень печально, – она со вздохом положила лист на стол.

– Что именно?

– Да. Параноидально-депрессивный синдром, глубокая неврастения, сексуальные девиации и комплексы, подавленные желания, садистские наклонности... И это – далеко не все.

– И все это следует из моей, гм, свиньи? – Тиберий взглянул на свою хрюшку почти с уважением.

– Конечно, – психотерапевт уже вовсю строчила диагноз, но снизошла до объяснений. – Смотрите, высоко вздернутый пяточок, это же нереализованное либидо, а ее неполное раздвоение копыт говорит о серьезной психологической травме, которую вы перенесли в детстве. Нет, вы только посмотрите на эти копыта! Это же безмолвный крик о помощи!

– Да? Не знал, что я так глубоко мыслил. А почему садизм?

– Да вы посмотрите ей в глаза!

Тут она, пожалуй, была права. Как ни малы были способности Тиберия к рисованию, взгляд Норманна ему передать удалось. В результате свинья приобрела сходство с худшими и подлейшими представителями рода человеческого.

– Расскажите ваш последний сон.

– Мне не снятся сны, – соврал Тиберий, но услышав, как доктор пробормотала про себя «функциональное расстройство сна», тут же поправился. – Хотя нет, вчера был сон.

– Прекрасно. Эротический?

Тиберий кивнул, решив, что врать лучше на приличные, безопасные и нейтральные темы.

– Замечательно. Вам снился незнакомый партнер?

– Э... Ну да.

– Какие вариации вы использовали? Анальный, оральный? – она явно обрадовалась, наконец, найдя у своего подопечного хоть какие-то здоровые психические реакции.

Да когда же это издевательство кончится? И ведь придется пройти целую серию сеансов. Хотя... Лора сказала, что его досье потом будет торжественно предано огню, так почему бы не прекратить этот кошмар, а заодно позабавиться?

– Доктор, – он поднял безмятежный взгляд на не ждущего беды врача. – Откровенно говоря, моим партнером была женщина. И знаете, чем мы занимались?

Охота на синюю птицу

– Тиберий. Ты – удивительный человек! – Майкл вытер слезы, выступившие от смеха, а Лора продолжала мрачно потягивать мятный коктейль, сидя на диванчике в большом кабинете доктора Сторма. – За сутки тебя выгнали не только из тюрьмы, но и из психушки!

– Самое удивительное не это, – мягко заметил Тиберий, – а то, что меня до сих пор не выгнали из единственного места – университета, где я, между прочим, учу детей.

– Это исключительно благодаря мне, – сурово заметила Лора. – Будешь продолжать в том же духе – уволю.

Она демонстративно отвернулась и почесала за ухом Ланселота. Бульдог вальяжно развалился на ее коленях и пускал слюни на безупречно отглаженные льняные брюки своей хозяйки.

– Увольный, – Тиберий сладко потянулся в кресле. – Буду жить, как половина Либертиона – на пособие по безработице, благо, оно больше моей преподавательской зарплаты.

Он впервые за последние сутки смог действительно расслабиться. Здесь, в кабинете его друга был словно оазис в пустыне практичности, скорости и прогресса. Не следящий за последними веяниями моды и глухой к чужой критике, Майкл обставил кабинет по своему вкусу. Стены до середины зашиты дубовыми панелями, выше темно-зеленые обои, старомодный деревянный стол со множеством ящичков и отделений. Особенно Тиберию нравились бронзовые часы, старые, девятнадцатого века. Стрелка, сколько ее Майкл не смазывал, все равно немножко скрипела, передвигаясь с деления на деление, и звук был такой уютный.

Принесли чай, в толстых фарфоровых чашках цвета взбитых сливок. Лора немного потеплела, уже не так сердито смотрела на Тиберию и даже улыбнулась, когда бессовестный Ланселот тихонько стащил с подноса печенье.

– Лора, милая, не дуйся, – Майкл весело подмигнул ей. – Ты бы видела лицо психотерапевта, когда она позвонила в полицию, а там от него отказались и умоляли взять его обратно!

– Ничего смешного.

– Ну что ты! Представляешь, сижу у себя в кабинете, тут крик, шум, гам. Докладывают, что один пациент довел врача до обморока, кстати, что ты такого поведал бедняжке Корделии? Она просит отпуск без содержания.

– Слабенькая какая.

– Так вот, мне говорят, что этот пациент сломал челюсть одному санитару и руку другому. Я сразу узнал стиль. Только мой обожаемый друг детства, светило в области истории и этнологии может за полчаса свести с ума даже сумасшедший дом. Тиберий, милый, ты санитаров зачем избил?

– Ну... Это как-то случайно получилось. Рефлекторно, что ли. Сижу я в кресле, беседую с милой девушкой на приятные, не значащие темы, как вдруг влетают твои парни, наваливаются на меня, затыкают рот, кстати, – Тиберий оживился, – ну, к наручникам я за сегодняшний день уже привык, а кляп-то зачем?

– Ну, мой милый, – Майкл лукаво и добродушно взглянул на Тиберию, – тебе ли объяснять? Язык – страшнейшее из существующих оружий. Собственно, с чего начались все проблемы этого мира? Да-да. *«Вначале было слово»*. А что потом? Грехопадение, войны, бедствия всякие. Или вот, к примеру, змей Еву чем обольстил? Словом опять же.

– Мне конечно лестно подобное сравнение, – проворчал Тиберий, но если бы я так умел врать, как вышеупомянутое пресмыкающееся, моя жизнь была бы куда проще.

Доктор Сторм расхохотался, и все его добродушное, румяное лицо просияло. Тиберий, глядя на него, испытывал смесь восхищения и легкой зависти. Доктор Сторм относился к редкой породе людей, до страсти преданной своему делу, и оттого не замечавшей, что твориться вокруг. Он напоминал Тиберию французского художника Луи Давида, писавшего прекрасные

картины независимо от режима правления, царившего в то время. Будучи при правительстве тем, что сейчас называют «бренд менеджер», он то сжигал трехметровое соломенное чучело, символизировавшее монархию, то такое же чучело революции, нисколько о том не беспокоясь.

Доктор Сторм мог себе позволить не ходить на общественные мероприятия, не иметь хобби, а главное, не иметь личной жизни. Этому Тиберий завидовал больше всего. На вопрос как ему это удастся, Майкл весело отвечал, мол, в глазах общественности глава психиатрической клиники сам немного псих, так что уж с него спрашивать.

– Ну и кто твои подопечные? – полюбопытствовал Тиберий, – неудачники, выброшенные безжалостным обществом на обочину, неуравновешенные люди?

– Что ты, нет! – Майкл покачал головой. – У меня тут исключительно люди успешные, дошедшие до вершин горы, на которую карабкались многие годы.

– Не понимаю. Человек, достигший вершины...

– ...Оказывается на маленьком пятачке, обдуваемом всеми ветрами и, как правило, в одиночестве. Знаете, мы все с самого детства заражены тем, что я называю «погоней за синей птицей». Я, как врач, считаю, что главная беда нашего общества – это диктатура счастья. Человечество обязывают быть счастливым, ему желают этого на каждом шагу и постоянно проверяют – а ты счастлив? Врачи, соотрудники, наши партнеры. Нам приказывают – будь счастлив! А как понять, получается это у тебя или нет? И как быть, если в глубине души понимаешь – не получается?

Тиберий едва слушал рассуждающего друга, пристально глядя на полуоткрытые, нежно-розовые губы Лоры. Впервые коснувшись их всего несколько часов назад, он словно открыл ящик Пандоры.

«Интересно, а соски у нее такого же цвета?..»

Откуда-то издали донесся голос Майкла:

– Мы обожествили экономику, отдали ей роль арбитра, определяющего степень нашего счастья, и она больше не служит, а диктует нам. Мы смешали понятие комфорта, благополучия и счастья, и потому начали с таким почтением относиться к деньгам, мы поверили в их абсолютную силу, в то, что лишь они мерили успеха и главная добродетель. Как муравьи, мы карабкаемся вверх, свято веря, что вот еще чуть-чуть, вот купим новый дом, вот получим более престижное место и наступит оно, счастье. Ради этой мечты, ради того, чтобы поймать синюю птицу, мы отказываемся от всего, что может этому помешать. Но вот он, результат достигнут. А дальше? Вместо эйфории разочарование и скука. Депрессия, невроз, психоз и...

Тиберий, как замороженный, смотрел на наглого Ланселота, чья задняя лапа медленно, но неумолимо подпихивала сумочку Лоры к краю дивана. Если сумка упадет, она, конечно, за ней нагнется.

– Глядя на твою обстановку, – улыбнулась Лора, – так и видно, что ты полностью равнодушен к деньгам. Это, вроде бы, настоящий Буше висит слева от рабочего стола? И если уж на то пошло, человечество всегда жаждало денег.

«Ну, Ланселот, ну еще, милый...»

– Конечно, но прежде людям говорили, что жизнь полна скорбей и трудна. Что трудности эти нам даны, чтобы нас испытать и закалить. Теперь же любую малейшую трудность человек воспринимает как личное оскорбление. Как же так, ведь она не запланирована! Со всех сторон человеку твердят, что он достоин лучшего, должен верить в себя, думать только о хорошем, и тогда оно материализуется...

«Есть!..»

Ланселот лениво потянулся, пнул сумочку лапой, и она не только упала, но и рассыпала по полу все содержимое.

«О Ланселот, ты лучший из рыцарей. Как мудр был мой выбор, павший на тебя в зоо-магазине. А я еще колебался – подарить ей на Рождество тебя или очередную электронную дрянь».

– Ну не знаю, – Лора бережно пересаживала бульдога на диван, и нагнулась за упавшей сумочкой, – мы живем в свободной империи. Порассуждал бы ты публично о мироздании лет пятьсот назад. Нам же в современном обществе даны все права...

Она низко наклонилась, отчего собранные в конский хвост волосы упали вниз, обнажив стройную шею с нежными, золотистыми завитками волос. Блузка приподнялась, открыв полоску покрытой легким загаром спины. Тиберию отчего-то вдруг стало жарко, галстук мешал, и он машинально ослабил шелковый узел.

– Кроме права не быть счастливым, – возразил Майкл.

– Я понимаю, о чем ты, – Лора, пытаясь извлечь из-под дивана укатившуюся помаду, опустилась на четвереньки, спиной к Тиберию и Майклу, – что современный человек... Ну никак не могу дотянуться. Так вот, что современный человек любую проволочку на пути к вершине воспринимает, как вселенскую трагедию. Нет, ну что же это...

Она, насколько могла, вытянула руку, пытаясь поймать гладкий золотой цилиндр, который от толчка ее пальцев откатился еще дальше. Почти касаясь грудью пола, Лора прогнулась еще сильнее, и тонкая ткань брюк плотно обтянула стройные бедра и широко раздвинутые ноги.

Тиберий закрыл глаза и так плотно сжал зубы, что они скрипнули. Теперь тесным стал не только галстук.

«Успокойся, извращенец».

– Так, почти достала, – выгнувшись, как кошка, Лора наконец дотянулась кончиками пальцев до злополучной помады. Когда она выпрямилась, верхняя пуговка блузки, не выдержав выпавших на ее долю испытаний, растянулась.

– Тиберий, ты только что сломал мою любимую обсидиановую ручку, – заметил Майкл.

– Правда? – с усилием возвращаясь к реальности, Тиберий опустил глаза и увидел, что сжимает в ладони сломанную пополам черную перьевую ручку. – Пожалуйста, прости. Даже не заметил, как взял ее.

Тут и Лора обратила, наконец, внимание:

– Что с тобой? Ты как-то побледнел, взгляд стеклянный.

– Да он просто задумался, – добродушно успокоил ее Майкл, – ты же знаешь этих ученых, у них вечно голова забита какими-нибудь высокими философскими изысканиями. Тиберий, милый, тебе вот для счастья чего не хватает?

Тиберий вздрогнул и в этот момент по комнате прокатился густой, громкий бой бронзовых часов.

– Наверное, таких часов, – бросил он первое, что пришло в голову. И немножечко лукавя. Лора вскинула брови, но Майкл понимающе закивал:

– Я понимаю, о чем ты. О праве на некий вычурный каприз, об отходе от установленных норм.

– Да, да, – поспешно кивнул Тиберий, – именно об этом.

– Кстати, – Майкл пригубил чай и с веселым любопытством взглянул на Ланселота, – а наш непоседливый друг – почему здесь? Я, собственно, не против, просто любопытно.

Лора вздохнула:

– Марта переживает, что я делаю из нее домохозяйку, и потому отказалась сегодня за ним присмотреть.

– Довольно странно, учитывая, что она никогда не работала, и практически не выходит из дома.

– Ну, она говорит, что я не вижу в ней личность, – Лора раздраженно махнула рукой. – Мне пришлось взять Ланса на совещание попечительского совета. Теперь одним попечителем меньше. Ему не понравилось, видите ли, что Лансик занялся страстной любовью с его деловым портфелем. Зануда...

Лора почесала виновника изменения состава попечителей за ушком и откинулась на спинку дивана. Ни она, ни Майкл расстегнувшейся пуговицы не заметили, но Тиберий с усилием перевел взгляд на картину, висевшую перед ним на стене. На ней были изображены покрытые снегом отроги альпийских гор, но перед внутренним взором профессора истории была совсем другая картина.

– Вы лично встречаетесь для совещания? – Майкл удивленно поднял брови, – но ведь существуют же видеоконференции...

– Для тех, кто желает сделать свои рабочие и личные дела достоянием общественности? Безусловно, – Лора фыркнула, – даже ты, Майкл, должен знать, что лучшая сетевая защита – это ее отсутствие. В смысле, сети, не защиты.

– А почему бы Ланселота в отель для животных не сдать? – Тиберий глубоко вздохнул и попытался мыслить рационально.

Две пары глаз, собачьи темно-карие и женские яшмовые, сурово и осуждающе взглянули на него.

– Мы там были, – сдержанно ответила Лора, – и нам не понравилось. Сажают в просторную, но клетку, кормят сухим кормом. Дают выхухоль.

– Э... Выхухоль?

– Да. Резиновую. Только одну игрушку, можешь себе представить? И не общаются.

– Ясно.

Тиберию закралась в голову кошунственная мысль, что и капризная Марта и Ланселот являются для современной и свободной Лоры заменителем кое-чего, весьма естественного для несовременной и несвободной женщины.

Неожиданно в комнату вошла сестра.

– Мистер Сторм, к вам посетитель. Не больной, я имею ввиду. Вроде бы.

– Ох, – вздохнул Майкл, – совсем забыл. У меня же комиссия сегодня, из министерства здравоохранения. И что им понадобилось?

Лора оживилась.

– Это хорошо. Люблю комиссии. Пусть заходит.

И зачем-то открыла свой смартфон. В комнату вошла сухопарая женщина, похожая на траченную молью гиену, пребывающую не в лучшем настроении. Твидовый костюм, под мышкой планшет, вид недружелюбный.

– Мистер Сторм! – начала она резким, лающим голосом, – Мы долгое время наблюдали за вашей деятельностью, и у нас появились вопросы. Да, вопросы.

– Чем могу помочь? – вежливо поинтересовался Майкл.

Гиена сунула длинный нос в планшет.

– Наша комиссия рассмотрела вашу деятельность за последние три года и выявила чрезмерную, я бы так сказала, лояльность. Вы слишком быстро выписываете ваших пациентов...

– Очевидно, потому, что они быстро излечиваются, – улыбнулся Майкл, но было видно, что ему не по себе.

– Сегодня, по нашим данным, к вам поступил социально опасный, агрессивный, буйный психопат. Да, опасный! Однако же я провела ревизию, и в помещении для подобных больных никого не обнаружила. Где он?

– Вот, – Майкл указал на Тиберия, облаченного в деловой костюм и мирно пьющего чай.

– Объяснитесь! А заодно объясните, почему ваш кабинет имеет такой странный вид? Это больше походит на музей истории, чем на нормальный кабинет практикующего врача.

– Я могу объяснить, – голос Лоры стал нежным и негромким, верный знак того, что она очень зла, – доктор Сторм как раз проводил сеанс лечения пациента, которому вы бесцеремонно помешали, – Лора возвысила голос.

– Да, но...

– За год клиника под руководством доктора Сторма исцелила и вернула обществу, – Лора взглянула на экран смартфона, – шестнадцать тысяч пятьдесят три больных, это в два с половиной раза больше, чем его предшественник вылечил за десять лет своей работы.

– Но кабинет!

– Шоковая терапия для пациентов, с каждым из которых доктор Сторм работает лично. Лично! Теперь посмотрим жалобы за восемь лет... Надо же, ни одной. А вот жалобы на министерство здравоохранения... – Лора повернула экран смартфона к ошолобевшей ревизорше, – вам озвучить семизначную цифру?

– Но позвольте, я...

– Да-да, вы. Откроем ваше личное дело, мистер Битч.

– Как!? Вы не можете...

– Отчего же? Очень даже могу, я же ректор университета, в котором вы когда-то учились. Мы заботимся о наших выпускниках, присматриваем, так сказать.

Мистер Битч побледнела и слегка подпрыгнула.

– Пожалуй... Я посмотрела все, что хотела. У меня нет к вам вопросов, доктор Сторм. Вы позволите мне идти? Я напишу отчет...

– У меня есть вопрос, – Лора была неумолима, – вы дверь видели?

Мистер Битч дверь видела.

– Будьте любезны, сейчас же ею воспользоваться и тщательно закрыть с той стороны. И еще, когда напишете отчет, предварительно пришлите мне его на согласование. Ланселот, передай уважаемому представителю комиссии мою визитную карточку.

Бульдог неторопливо затрусил через комнату, неся в зубах визитку. Несчастная гиена приняла щедро увлажненную собачьей слюной карточку и проворно юркнула за дверь, не забыв послать Лоре подобострастную улыбку.

– Ты – чудовище! – восхищенно выдохнул Майкл.

Лора неопределенно хмыкнула, но было видно, что ей приятно.

Романтика поневоле

Как всегда игнорируя лифт, Тиберий пешком поднялся на свою лестничную площадку. Электронный ключ как обычно начал капризничать, зеленый огонек никак не загорался. Из двери соседней квартиры тут же высунулся длинный нос его соседки мистера Штерн. Дама эта была весьма почтенного возраста, но это ни в коей мере не умаляло ее огромной жизненной энергии и энтузиазма. Эти прекрасные качества целиком и полностью тратились на круглосуточный шпионаж за всеми жильцами дома, имевшими несчастье быть ее соседями. И последующие беседы на эту тему. Тиберия она постоянно допекала разными просьбами о помощи, а он, испытывая жалость к этому созданию, почти никогда не отказывал.

– А-а-а, мистер Краун, наконец-то. А вам тут посылочку принесли. Да, и кстати. Мне тут холодильничек надо в квартиру занести, – и она указала на громадный ящик, похожий на гробницу фараона Сети первого, монументально стоящий в центре лифтового холла.

Тиберий, который устал настолько, что возражать не было ни физических, ни моральных сил, молча потащил этот саркофаг в логово почтенной леди.

– А где ж это вы пропадали двое суток? – старушенция резво скакала вокруг Тиберия, оглядывая его по-птичьи быстрым, любопытным взглядом. – Костюмчик-то какой у вас славный появился. Дорогой. Неужто новым дружкойм обзавелись?

Костюм был Майкла, потому что когда Лора отвезла его собственный в чистку, там ей сказали, что, возможно, данная вещь представляет интерес для музея криминалистики, но не для порядочной химчистки.

– Я-то не осуждаю ничуть, – старушенция погладила Тиберия по плечу своей, будто, пергаментной сухой ручкой, – дело молодое, хи-хи. А ваш-то франтик знает?

– Нет никакого дружка. – Тиберий с усилием втиснул холодильник в проем между сервантом и телевизором. – Все, готово.

– Ой, спасибо, милый! Век благодарна буду. Что понадобится – сразу приходи и проси. А ночевал-то где, коль нет никого?

– Сначала в тюрьме. Потом в психиатрической клинике, – охотно ответил Тиберий, – всего хорошего, мистер Штерн.

И вышел, пряча улыбку.

Войдя в квартиру, Тиберий действительно обнаружил сверток с карточкой. Не слишком удивившись (он привык, что запертая дверь для курьерской службы не помеха), он взял в руки записку. Перевернув тисненый квадрат, прочел: *«Моему лучшему другу. Майкл»*.

Внутри обнаружились часы, те самые. Первым чувством было раскаяние за неосторожные слова, но потом огромная благодарность и непривычное тепло разлилось в груди. Он поставил часы на самое видное место и сел за работу, так и не придумав, как отблагодарить своего друга.

Прошел час. Бронзовая стрелка болезненно дернулась и рывком переместилась на шесть вечера. По комнате прокатился приятный густой бой, похожий на голос церковного колокола. Тиберий поставил точку и ненадолго задумался. Надо не забыть упомянуть о культе жрецов в Ариции и их золотой ветви. И миф про Иполлиту непременно добавить. Как жаль, что эта командировка оттянет завершение его двухлетнего труда! Но с другой стороны – он пройдет по мощеным улочкам настоящего, не эфемерного Берлина, прикоснется ладонью к истертым временем стенам его великолепных храмов, увидит полотна Дюрера. И не беда, что рядом будут дети, они, конечно, несколько омрачат полноту его счастья, но за все в жизни надо платить.

Назойливый звонок прервал его грезы, на экранчике смартфона высветилось: *«Пол»*. Тиберий поморщился и уже собирался выключить звук, но перед глазами встало лицо Лоры и ее

назидания относительно его вопиющей мизантропии. Если не сейчас, то когда? Вздыхнув, он нажал: «*Ответить*». Раздался до зубной боли знакомый игривый голос:

– Тибби, милый, приве-е-ет! Это я, твой сладкий, гадкий Мупочка!

– Здравствуй, Пол, – сдержанно ответил Тиберий. – Пожалуйста, не называй меня «Тибби», я много раз тебя...

– Хорошо, Тибби, не буду. Ну что, повеселимся сегодня? Поехали в «Издохшую утку»? Там сегодня премилая тусовка!

– Хорошо, Пол, – покорно согласился Тиберий.

– Правда? – ошарашенный Мупочка, привыкший к отказам Тиберия не меньше менеджера по продажам бизнес-тренингов, воспарил. – Так может, еще и на открытие выставки Нэйча заедем? Он мой хороший друг!

– Кого!?

– Нэйча, глупенький. Он лидер течения природизма.

– Чего!?

– Ох, ну какой же ты дикий, мой пушистик. Природисты. Это самое модное художественное направление, да. Показывают естественные природные явления, как они есть.

– Показывают фото сияющего солнышка?

– Нет же, Тибби. Какой ты у меня девственный. Ну, Мупочка все тебе покажет. Ну, едем?

Прикинув, что расширение культурной программы математически ведет к сокращению программы романтической, Тиберий охотно согласился.

– А где тебя встретить?

Подобно многим своим сверстникам Мупочка считал обладание машиной тяжким бременем, обузой, ограничивающей его свободу, требующей ответственности и расходов. Зато охотно и часто пользовался машиной Тиберия. Это как иметь любовницу, к которой можно зайти на час, но вот жениться...

– Ах, заезжай за мной, я сейчас в парке Свободы Слова.

– Опять ты к этим фрикам подался? – скривился Тиберий.

– Ничего не фрики. Здесь всегда культурный цвет нации собирается, протестует.

– Лучше б этот цвет нации работать шел. Ну а ты там чего забыл?

– Ой, ну как же, Тибби, тут та-акие люди! И кофе дают бесплатный, и сэндвичи.

– Ясно.

Через полчаса Тиберий подъехал к парку Свободы Слова. В воздухе остро пахло молодой, свежесрезанной травой, на клумбах уже раскрыли свои яркие головки желтые и фиолетовые крокусы, под полосатыми тентами миловидные девушки раздавали всем желающим горячий кофе и минеральную воду. Парк был оборудован всеми удобствами для жаждущих выступить перед публикой. Были тут и высокие, разноцветные трибуны и площадки для удобного проведения митингов и демонстраций. Для аристократии и снобов имелся ресторан, очень дорогой, со скверной кухней и странным, но однозначно провокационным интерьером.

Тиберий прошелся по парку, послушал немного речь пламенного юноши с горящим взором, который призывал слушателей разрушить и сжечь все дотла. Правда, не уточнял, что именно. Особенное омерзение Тиберия вызвала демонстрация борцов за права педофилов. Мужчины и женщины держали плакаты, на которых был изображен младенец Амур, и обычная надпись: «*Требуем свободу!*»

Наконец он увидел Мупочку, предварительно трижды обознавшись. Очень уж много было в парке стройных мальчиков, облаченных в узкие красные брючки, с лицами, почти полностью скрытыми солнцезащитными очками *BigBen*. Мупочка стоял в тени разлапистой ели, держа в руках два розовых воздушных шарика в виде сердец, выбранных, очевидно, в цвет щедро украшенных стразами туфель. Завидев Тиберия, он расплылся в ослепительной улыбке

и замахал шариками. Сердце Тиберия болезненно сжалось. Два шарика – это плохо. Это же значит...

– Тибби, милый, это тебе! – счастливый Мупочка вручил Тиберию розового монстра.

Тот принял дар мертвой рукой и спросил:

– Ты где взял это... Эту прелесть?

Мупочка просиял.

– А я в митинге поучаствовал, против правительства. Там всем давали.

– И что же ты, милый, имеешь против правительства?

– А, не знаю, – ухмыльнулся легкомысленный оппозиционер, – там парни были такие симпатичные, хорошенькие, меня позвали. Ну, мы смеялись, болтали, ничего такого. Вот, значки еще дарили.

Он полез за значком, но, уязвленный насмешливым взглядом Тиберия, сказал серьезным голосом:

– Ну... Правительство... Оно ущемляет наши права... —Мупочка смолк, но тут же вспомнив что-то, оживился.

– Стипендия маленькая! И пособия. Да! Пособия должны быть больше.

– А работать ты не пробовал? Тридцать три года все же.

Мупочка оскорбился.

– Я еще не определился, чем бы хотел заниматься в жизни. И вообще, я учусь.

– На шестом по счету факультете. Ты поступаешь, приходишь на пару лекций, но ни до одной сессии еще не дошел.

– Ты со мной встретился, чтобы меня обижать? – губы Мупочки опасно задрожали.

– Нет, – ответил честный Тиберий, – совсем с другой целью. Хочешь мороженное?

Все обиды были мгновенно забыты, они дошли до парковки, весело болтая, и машина понесла их по направлению к выставочному залу «Мусорозавод», где экспонировалось самое современное и актуальное искусство. Мупочка блаженствовал, откинувшись на кожаное сиденье Мерседеса, и вовсю дымил безникотиновой сигаретой. Тиберий поморщился:

– Объясни, зачем ты куришь эту гадость? В ней ведь даже табака нет, только омерзительный запах, а эффекта никакого.

– Тибби, это же в тренде, как ты не понимаешь, глупыш. Ой, опять пробочка!

– Перейти на ручное управление, – буркнул Тиберий.

Машина выполнила приказ, не забыв сопроводить это действие подробной лекцией о возможных ужасных бедах и несчастьях, которые навлекает на свою голову ее неразумный хозяин, пожелавший отказаться от услуг автоматического шофера. Как только колеса коснулись дорожного полотна, Тиберий с удовольствием положил руки на руль. Каких-нибудь десять минут, и они будут на месте, в пробке провели бы час, не меньше. Но была и еще одна причина, по которой ручное управление было предпочтительным.

– Пол, убери руку.

– Почему-у-у-у?

– Я веду машину. Ты мне мешаешь.

– Мупочка просто хочет сделать приятное своему сердитому пушистику.

– Пол.

– А вот так тебе нравится? – рука Мупочки, уже расстегнувшая молнию на джинсах Тиберия, продолжила свое путешествие.

– Если ты сейчас же не прекратишь, я тебя ударю. Мы в аварию можем попасть.

– Да-а-а! Накажи меня, папочка!

– Я тебя так накажу, что тебе не понравится.

Мупочка надулся и пребывал в таком положении с выпяченной нижней губой на протяжении пяти минут. Тиберий искоса взглянул на него. Отвисшая и будто бы линялая майка

с кроликом и надписью: *«Если ты не переспшишь со мной, я разрыдаюсь»*. – «Наверняка от какого-нибудь чокнутого дизайнера и стоит кучу денег». Джинсы, специально рваные и выкрашенные так, будто их предварительно обваляли в отходах фабрики по выращиванию крупного рогатого скота, браслет, состоявший из бусин различного социального и материального коэффициента (на кожаном ремешке мирно соседствовали золотые инкрустированные рубинами и бриллиантами бусины, покрытые специальным лаком шарики жевательной резинки и бумажные катышки). Тренд. Загадочный бог, которого Тиберий представлял наподобие жестокого и радикального Молоха. И еще неизвестно, какое божество более свирепо и ненасытно – жертвой Молоха становился один ребенок на деревню, жертвой Тренда становятся все дети без исключения.

– А ты забыл, какой сегодня день, – полным обиды голосом пробурчал Мупочка.

– День? – мысли Тиберия сейчас витали несколько дальше тридцать четвертой улицы, по которой они ехали.

– Да. Сегодня, между прочим, праздник.

– Правда?

Тиберий рассеянно перебирал: день влюбленных вроде бы в феврале, новый год (самый мучительный, право, из-за нелепой веры некоторых, что ровно в двенадцать ноль-ноль надо заниматься тем, чем желаешь заниматься весь год). Что до него, то он бы с удовольствием встречал новогоднюю полночь на необитаемом острове. Один. Ну, или с Лорой, если, конечно, она не читает нотации. А она бы не смогла, окажись она в его власти на этом самом благословенном острове.... Из сладких грез его вырвали сдавленные рыдания. Бросив косой взгляд на ревущего в голос Мупочку, Тиберий вынес безошибочный диагноз:

– У тебя день рождения?

– Да-а! А ты забы-ыл!

– Что ты, конечно, нет. Я даже подарок...

«Черт, что бы подарить?!»

И тут его осенило:

– Пол. Открой бардачок.

Боясь поверить своему счастью, опасливо косясь на Тиберия, как пес, который побой от хозяина получает регулярно, а вот сахарные косточки – только по большим праздникам, Мупочка полез в бардачок.

– Роман русского классика Льва Толстого. Редкое и оригинальное, гм, издание, – прорекламировал Тиберий, почти не ощущая угрызений совести. – Слышал про такого?

– Вообще, да, от Мелиссы. Она жуткая интеллектуалка, настоящая богема. Познакомлю сегодня, она будет на вечеринке, – Мупочка принялся рассматривать иллюстрации.

Три минуты прошли в молчании.

– А еще говорят, что классики – зануды.

Мупочка что-то уж очень долго рассматривал одну иллюстрацию, и Тиберий, не удержавшись, заглянул через его плечо. К чести фотографа, если бы его творение довелось увидеть создателям Камасутры, они поняли бы, сколь бедна и скромна была их эротическая фантазия. Тиберий отшатнулся и постарался сосредоточиться на дороге.

– Я, пожалуй, даже почитаю эту книжку, – решительно заявил Мупочка, и вдруг умолк. Взгляд его стал стеклянным, а губы слегка приоткрылись. Тиберий опознал симптомы – Мупочка задумался. Случалось с ним это редко, давалось нелегко, однако, очевидно, пришлось.

– Что такое?

– Тибби, – озабоченно спросил Мупочка, недоверчиво поглядывая на злополучный томик, – а это модно?

– Безусловно, – твердо ответил Тиберий, – классика всегда в моде.

Книга была тотчас сфотографирована вместе с сияющей физиономией Мупочки и немедленно отправлена по миру, восхищать и шокировать его бесчисленных друзей по сети. Результатом явилось тут же полученное Мупочкой сообщение.

- Мелисса Свон. Просит, что бы мы за ней заехали.
- Это которая «жуткая интеллектуалка»?
- Нет же. Наша Мелисса, редактор «Юного Люцифера».

Такое совпадение не было удивительным. Когда дети появляются на свет в центре репродукции, избавленные от оков семьи и родительского гнета, и имеют четыре тысячи (исключительно благозвучных) вариаций имен и фамилий, не редкость, что в кругу близких знакомых есть кто-то, кого зовут так же, как и тебя.

Суровые будни Юного Люцифера

Здание Либертионского телевидения изрядно напомнило Тиберию его собственные производственные пенаты. Такой же бетонный спрут, со множеством корпусов и переходов, разве чуточку поменьше. Спрут-братишка. «Юный Люцифер» располагался на восьмом этаже в близком соседстве с «Люцифером» – главным информационно-развлекательным каналом Либертиона. Что было вполне естественно, «яблоко от яблони», как говорится. В былые годы «Люцифер» старался изо всех сил оправдывать гордое имя первого революционера и крушителя мирового порядка. Создавалось впечатление, что его ведет банда яростных ниспровергателей всего и вся – от буржуазных семейных ценностей до религии, от политики до анархии, все попадало под борону канала. Фильмы он показывал исключительно провокационные, взгляды являл радикальные, причем диаметрально противоположные в течение дня. Но со временем он начал выдыхаться. Конечно, можно было войти в положение его создателей, легко ли удивить зрителя в наши дни? Вот лет, эдак, сто назад покажи обществу фильм о счастливой любви втроем, и что происходило? Общество изумлялось, негодовало, и наступал прогресс. А теперь, в рамках наступившей всеобщей свободы, такое разве старушки посмотрят на сон грядущий. Чтобы сэкономить на снотворном. Оставалась хрупкая надежда на молодое поколение, дети ведь еще способны удивляться.

Тиберий и Пол открыли дверь с табличкой, которая гласила: «Юный Люцифер. Мелисса Свон»

Мелисса, худая блондинка в истошно-розовом платье, сидела, уныло перебирая ворох рекламных буклетов на огромном редакторском столе. Нервно кивнула Тиберию и Полу и снова нырнула в глянцевою кучу.

– Ума не приложу, – пожаловалась она вошедшим, – как они хотят, чтобы их рекламу увидели миллионы, если эти самые миллионы ежемесячно платят нам, чтобы эту самую рекламу не видеть.

Тиберий с мальчишеским любопытством смотрел на мониторы, транслировавшие смешные и познавательные мультфильмы. На одном мониторе Иисус, похожий на хиппи, переживающего не лучшие времена, сидел в баре с подозрительной компанией, на другом – двое бородастых джентльменов под красными знаменами вели бодро шагавшую толпу к скалистому обрыву, и прочее в том же духе.

– Развиваем, освобождаем подрастающее поколение от комплексов и предрассудков, учим, – деловито прокомментировала Мелисса, не дожидаясь привычного, видимо, вопроса.

– А здесь чему обучаем? – поинтересовался Тиберий, указав на монитор, где какие-то большеглазые улыбчивые существа (Звери? Птицы? Люди?) лупили друг друга молотками, пилили пилами, стреляли, резали и жгли. Доведись увидеть этот шедевр целлулоидной промышленности создателям «Молота ведьм», они преклонили бы колена и вручили орден достойным преемникам их непростой и творческой профессии. Мультфильм был очень ярким, лаконично нарисованным, словом, отвечал всем канонам, по которым производятся мультфильмы для самых маленьких.

– А, это... Это развлекательный, для малышей. Не все ж их воспитывать, должны и отдыхать иногда. К тому же такие мультики и взрослые смотрят с удовольствием.

Мелисса потеряла свой миниатюрный носик, становившийся благодаря усилиям пластических хирургов все меньше и меньше год от года. Она была буквально помешана на коррекции своей внешности, на прошлой неделе, к примеру, сделала операцию по удалению морщинок на запястьях. До того момента, когда она гордо поведала об этом Полу и Тиберию, последний вовсе не догадывался, что в этих местах бывают морщинки.

– О, а вот это любопытно, – Тиберий взял в руки рекламный буклет компании «Медея» и прочитал вслух слоган, – *«Медея позаботится о ваших детях»*. Это юмор такой?

– А в чем дело? – всполошилась Мелисса. – Это наш главный рекламодатель.

– Да видишь ли какое дело, принцесса Медея очень расстроилась, когда ее возлюбленный Ясон не только не женился на ней, но и бросил ее ради другой женщины. Как я уже сказал, она была немного огорчена, ну и убила их общих сыновей. Потом сварила их и подала Ясону на ужин.

Воцарилась тишина. Потом Мелисса, шумно вдохнув воздух пробормотала:

– А я думала «Медея» это от слова мед. Неудачно как-то получилось.

– Да уж. А что компания производит?

– Детское питание...

– М-да.

– Ох, что же делать? – Мелисса забежала по кабинету. – Ребрендинг заказывать? Дизайнеры три шкуры сдерут. Слушай, а другой девицы с таким именем случайно не было?

– Увы. После того, как вышеозначенная принцесса, скажем так, печально прославилась, люди уже не захотели так называть дочерей. Их можно понять.

Ситуацию спас Мупочка. Ласково погладив несчастного редактора по свежеоперированному запястью, он сообщил, что все это тлен, надо забыть о скорби и предаться разнузданным развлечениям. Мелисса немного ожила, словно сдутый воздушный шарик слегка накачали воздухом.

– И правда. Бросим все и едем отдыхать. Ах, какая же вы красивая пара! Просто два воркующих голубка!

«Ну, это как сказать», – подумал Тиберий и взглянул на их общее отражение в зеркальном полотне стенового шкафа. Пол с некоторой натяжкой на голубка еще тянул – нахальные раскосые глаза серебристого цвета, порочные, девически пухлые губы, волосы, еженедельно окрашиваемые в золотой цвет. А вот Тиберий, мощный, мускулистый, с волосами, тронутыми сединой и морщинами на еще молодом лице, скорее смахивал на босса итальянской мафии, в молодости бывшего профессиональным борцом. На скуле длинный, свежий шрам, двухдневная щетина. Да уж, хорош голубок.

Внезапно за стеной раздались крики, шум опрокидываемой мебели, визг и звон разбитого стекла. Словом, все признаки напряженной и конструктивной профессиональной полемики. Мелисса и бровью не повела.

– Это сериальный отдел, – пояснила она Тиберию и Мупочке, – творческие люди, что с них взять.

Мупочка страшно заинтересовался:

– Сериалы! Я обожаю сериалы! Можно, можно мы посмотрим?

Пришлось идти.

Мелисса забарабанила в дверь кулаком, игнорируя звонок и латунную табличку рядом с ним: *«Звонить!!!»*. Перепалка за дверью на секунду смолкла, потом в дверь что-то врезалось с глухим ударом и рухнуло на пол.

– Кажется, сумочка Люси, – задумчиво прокомментировала Мелисса, – у Джеймса, вроде, потяжелее. Значит, опять авторская гордость задета.

– А почему мы не позвонили? – поинтересовался Мупочка. Он пританцовывал на месте от с недавнего его любопытства и как гусенок вытягивал шею.

– Нам бы не открыли. Это для посетителей, свои не звонят. Ну, наконец-то.

Дверь открыл молодой человек, похожий на страшноватого гнома. Заросший недельной щетиной, красноносый и очень злой. Увидев Мелиссу, гном явно обрадовался:

– Мелисса, детка, объясни своей подруге, что если спонсоры хотят, чтобы главный герой ел их фирменные сосиски, он должен их есть, хоть бы от этого у него диспепсия началась!

В ответ ему в глубине комнаты раздался страшный грохот. Вся компания осторожно заглянула через полуоткрытую бронированную дверь. Обстановка еще более удручающая, чем в «Юном Люцифере». Практически пусто: несколько столов с компьютерами, офисный стол, заваленный бумагами, и расцветенный подсохшими лужицами кофе. В углу робко притаился пластмассовый фикус. И недаром, его брат близнец лежал у стены, погребенный под офисными папками, из которых торчали мятые листы бумаги. Тиберий проводил взглядом еще одну папку, пролетевшую мимо них и врезавшуюся в грудь ее коллег. Разрушения производила девушка, сидевшая на компьютерном столе и не обратившая на вошедших ни малейшего внимания.

– Как!? – вопила она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Как Джоан будет есть ваши чер... нехорошие сосиски, если она на протяжении шестисот восьмидесяти серий веган?!

– Разочаровалась, – развел руками гном, – или поддалась искушению. Короче, придумай, ты же сценарист. Но она должна их есть уже в следующей серии, у нас договор вчера был подписан.

– А какому-нибудь другому герою вы их скормить не можете? – внес рациональное предложение Тиберий.

– Увы, – гном взъерошил лохматые волосы, – Джоан – любимица зрителей, у нее рейтинги самые высокие.

И, видя непонимание в глазах гостей, жестом пригласил их к своему столу:

– Извольте, я покажу. Каждый день нам приходит техническое задание.

Пыхтя, он притащил из кургана, под которым величественно покоился фикус, увесистую красную папку.

– Это от спонсоров, рекламодателей, ну и сверху, если вы понимаете, о чем я. Потом мы придумываем сюжет текущей серии по этой схеме, – Джеймс показал на висевшую на стене магнитную доску, разбитую на графы: «Кто», «С кем», «Где», «Что делали» и прочее. – Подсоединяем продукты, подлежащие рекламированию и, вуаля!

Гном, встав на цыпочки, твердой рукой вывел «Джоан» и магнитом закрепил под ее именем лист с надписью: «Сосиски „Дикий вепрь“. Экопродукт. Почувствуй на языке плоть дикого вепря!». Сценарист, до этой минуты в каком-то оцепенении наблюдавшая за его манипуляциями, разразилась слезами. Мупочка же напротив, возликовал:

– Тибби! Смотри, это же игра в чепуху, помнишь, мы как-то пробовали на вечеринке у Джорджа? Ой, простите, я вовсе не хотел... – он смущенно взглянул на Джеймса.

– Ничего-ничего. Так и есть. Мы снимаем сериалы про дебилов и для дебилов, – и, увидев, как вздрогнули Тиберий и Мупочка, успокоил их. – Да все в порядке, система слово «дебил» рассматривает как медицинский термин. Мы тут уже поднаторели, как свободно выражать свои мысли о наших дорогих телезрителях.

В дверь без стука заглянула худенькая, похожая на мышонка, девушка. Гном приветственно оскалился:

– Сара! Ну, наконец-то. Плакат к мульту «Красная шапочка» готов?

Мышка кивнула, подошла к презентационному стенду и перенесла с помощью смартфона изображение томного юноши в красной шапочке (больше на нем ничего не было) в окружении причудливого коктейля из мускулистых мужчин и не менее мускулистых вервольфов. Текст гласил: «Мировой блокбастер! Страсть и предательство! Зоофилия, насилие, убийство и пожирание плоти! Все это и многое другое во всех кинотеатрах империи! б+».

– Нам пора, – деликатно напомнила Мелисса, – а то на выставку опоздаем. Удачи тебе, Джеймс, в твоём нелегком деле.

– Так я тоже пойду, мой рабочий день заканчивается, – гном прошествовал к выходу и уже на пороге обернулся к сценаристке. – Ах, да, чуть не забыл. У нас закончился контракт с зоомагазином, так что, Люси, дорогая, избавь мистера Снорка от ее восьми кошек.

– Как!?

– Ну, думаю, они подхватили чумку.
И он ловко юркнул за дверь.

Новое слово в искусстве

Машина остановилась у громадного, уродливого здания, своей архитектурой имитировавшего подобие промышленного завода. Над мрачным входным проемом пятитонная полированная плита с лаконичной надписью: «*Мусорозавод. Художественная галерея*». Солидно, масштабно, сразу понимаешь, проходя под удивительно напоминающей надгробие плитой, что здесь экспонируется серьезное искусство для серьезной публики. Если названия баров и клубов у Тиберия вызывали иногда вопросы, иногда улыбку, а иногда и просто недоумение, то с названием храма искусства он был согласен полностью. Ну, может быть излишне откровенно, конечно, но в целом...

Внутри было шумно илюдно, весь свет собрался на открытие художественной выставки. Взглянув на стены, Тиберий вздохнул с облегчением. Пусто. Значит, будет перформанс, а не инсталляция. Инсталляций он побаивался – никогда не знаешь, где их ожидать. На прошлой выставке он оконфузился, бросив какой-то мусор в услужливо стоявшую на входе в зал урну. И не заметил рядом таблички с надписью, информировавшей посетителей, что перед ними инсталляция под названием «Потребитель». А его друг юрист уже месяц разбирается с тяжбой, вызванной тем, что роботы-уборщики выбросили по окончании выставки кучу рваных картонных коробок, являвшихся, как выяснилось тем же вечером, инсталляцией под названием «Освобождение». С перформансом, все же, проще – не примешь же за мусор самого творца.

Огромную очередь у входа миновали благодаря Мупочке, он кому-то позвонил, и вскоре бледный, болезненного вида молодой человек, вышедший им навстречу из здания, провел их мимо охраны.

– Тибби, это сам великий Нэйч! – восторженно представил бледного молодого человека Мупочка. Про Мелиссу он почему-то забыл, и ей оставалось лишь благоговейно взирать на творца, не решаясь представиться.

– А я вас знаю, – улыбнулся Тиберий, – в прошлом году был с моим другом Майклом Стормом на вашем перформансе «Мой день».

В памяти всплыл театральный зал, арендованный для этой цели, битком набитый людьми. Смотрители благоразумно заперли двери, в зале погас свет, и теперь софиты освещали только сцену. На сцене стоял диван, а на нем возлежал Нэйч, заложивший руки за голову. Первые десять минут публика благоговейно молчала, уважительно взирая на абсолютно неподвижную фигуру. Затем, когда пришло осознание, что суть перформанса состоит в полном бездействии творца, началось некоторое волнение. Тиберий, которого природа наделила в большей степени интеллектом, нежели совестью, пробрался к стражам входных дверей и шепотом сослался на безотлагательную нужду. Видимо, его пример вдохновил многих, потому что пару минут спустя, когда он сел в машину, видел десятки ценителей искусства, вбегающих на парковку.

– Нэйч, миленький, что-то ты неважно выглядишь, – голос Мупочки вырвал Тиберия из воспоминаний.

– Видишь ли, Пол, – понизив голос до шепота, сообщил Нэйч, – сегодня же тема перформанса «*Процесс искусства*»... Так вот, я должен испражняться перед зрителями...

– О, как остроумно! – захлопал в ладони Мупочка.

– Вот здесь, – Нэйч указал на квадратный пьедестал в самом центре зала. На белоснежной поверхности была установлена хромированная ваза. Постояли, некоторое время уважительно взирая на импровизированный алтарь, где будет совершаться сакральное действие. Мелисса украдкой сфотографировала себя на фоне постамента. Художник прервал затянувшуюся паузу тоскливым:

– Я такой перформанс уже проводил на пробу в клубе «Кризис». И вышла, скажем так, техническая заминка. Чтобы это не повторилось, я принял меры. Точнее, слабительное.

– И?..

– Так вот, если этот проклятый перформанс не начнется прямо сейчас, его вообще не будет.

– Ох, – разволновался Мупочка, – я сейчас сбегаю, потормошу куратора, а то он, противный, наверное, снова в баре шалит. Нужно поскорее начинать!

– Потормоши, Пол, – простонал несчастный творец и привалился задом к скульптуре из искусственного мрамора. Это была копия Венеры Милосской, ничем не отличавшаяся от оригинала, правда облаченная в черную военную фуражку и шипастый ошейник. Соски несчастной богини любви украшали матовые металлические зажимы, снабженные кисточками из лилового шелка. Пока Тиберий размышлял, является ли скульптура продолжением традиций дадаизма с его странной манерой пририсовывания усов Сальвадора Дали Моне Лизе или это реклама очередного магазина удовольствий, или и то, и другое сразу, как это часто бывает в мире искусства, великому художнику становилось все хуже и хуже. Надо было что-то срочно предпринять, и Тиберий решил завести светскую беседу на тему искусства, дабы отвлечь несчастного от более насущных проблем.

– А скажите, – обратился он к творцу, выделявавшему странные движения у ног безмятежной Венеры и прекрасно гармонизировавшему ей цветом лица, – вот с инсталляцией понятно, ее можно продать, но как же извлекать финансовую выгоду в случае перформанса?

– Ох, – немного оживился художник, – обычно это действительно затруднительно, да, собственно говоря, оно и не требуется, ведь главное произвести резонанс, общественный взрыв, прославиться, а там уж купят что угодно, любые, как бы это сказать...

– Производные жизнедеятельности? – участливо подсказал Тиберий, натренированный облекать в толерантные слова свои истинные мысли.

– Да, да, именно. Но в случае сегодняшней акции можно, к слову сказать, приобрести и фактический товар. Да где же Пол с этим злосчастным куратором?! Они что, вместе пошли в баре шалить?!

– В самом деле? А как же новизна? – сладчайшим голосом как бы невзначай поинтересовался Тиберий.

– На что вы намекаете? – взлял оскорбленный до глубины души творец. От возмущения на его лице даже проступил слабый румянец.

– Ну как же, – невинно заметил Тиберий, – Пьеро Мандзони в тысяча девятьсот шестьдесят первом продал девяносто консервных баночек с собственными экскрементами, каждая снабжена надписью, что в ней содержится «100% натуральное дерьмо художника», по цене, равной цене золота той же массы. Тридцать грамм в каждой баночке. К тому же, людям нравится надпись «натуральное».

– О...

– Кстати, баночки потом по понятным причинам взорвались, – продолжал Тиберий, игнорируя мелодичный звоночек смарта, информировавший его о том, что он в очередной раз попал на штраф ввиду использования ненормативной лексики, – и их счастливые обладатели остались ни с чем.

– Я не знал... – прошептал Нэйч, – но это же значит, что я пошел по стопам великих!

Тут возразить было нечего. И не успел Тиберий высказать свою мысль о первичности идей в искусстве, как у арки, ведущей в зал, образовалось некоторое волнение. Кавалькаду возглавлял Мупочка, ведущий под руку тщедушного юношу в щедро украшенном блестками розовом пиджаке, очевидно, куратора, за ним семенили репортеры, а уже дальше толпа ценителей. И все предвещало счастливый конец, но тут слуха Тиберия достиг жалобный стон. Взглянув на творца и осознав, что промедление смерти подобно, Тиберий обернулся к публике и слегка

возвысил голос. Воистину, ничто так не укрепляет связки и нервы, как чтение лекций перед юными стяжателями кладезей науки. Голос Тиберия с легкостью перекрыл гул людских голосов, фоновую музыку и все прочие звуки.

– Господа! Сегодня великий Нэйч представляет вашему вниманию перфоманс под названием «Процесс искусства»! – и повернувшись, прошипел, – Скорее снимай штаны, неудачник.

Раздались аплодисменты, защелкали камеры. Пару часов спустя Тиберий и Мупочка от души веселились, просматривая ленту новостей, посвященную культуре: «Сегодня великий Нэйч шокировал публику необыкновенно смелым, новаторским заявлением в сфере искусства. Избрав Венеру как символ искусства устаревшего, пережиток мертвого и бесплодного классицизма, он очень темпераментно и экспрессивно изобразил процесс отрыва от условностей академизма...». И так далее и тому подобное.

Дары Бахуса

Дальше началось то, что Тиберий ненавидел всеми фибрами души. Вечерняя светская жизнь. Нужно было ходить от бара к клубу, потом от клуба к бару, везде что-то пить и с кем-то здороваться. В баре под названием «Злобный хакер» они встретили Мупочкиного знакомого Колина, который оказался виноделом.

Вообще, у Мупочки везде были знакомые. Это удивительное создание лучше всех воплотило в жизнь постулат: «доверь Господу дела свои». Утро у него начиналось с дилеммы, где и с кем позавтракать. И, что интересно, он всегда находил и никогда не платил. Хотя денег у живущего на пособие по безработице Мупочки было больше, чем у работающего пять дней в неделю Тиберия, уже в первые несколько дней месяца он оставался с пустым карманом. При чем сам не понимал – как. Зато понимал Тиберий, у которого Мупочка постоянно пытался их одолжить, часто успешно. Бедняга дня не мог прожить, не купив какую-нибудь «жутко модную штучку». Квартира его ввиду такого образа жизни сильно смахивала на склад магазина модной одежды, при этом он постоянно жаловался, что ему решительно нечего носить. В целом, это как раз понятно – поди найди что-нибудь среди такого количества вещей.

– А, Колин, привет! Познакомься – это Тиберий. О котором я тебе столько рассказывал. Завидуешь?

Колин, который до этого момента напряженно что-то читал, подскочил, как ужаленный, и расплылся в восторженной улыбке.

– А что это ты смотришь? – Мупочка заглянул через плечо приятеля. – Сервис «Роке-лав»? Что это такое?

Все трое взглянули на рекламное объявление: *«Сервис Рокелав. Просто отправь смс. И ты мгновенно получаешь услугу! Всего сто тысяч долларов. Целый час оффлайн!»*

– Что-то я не понял, – Мупочка озадаченно почесал переносицу, – за то, чтобы час сидеть без интернета, сто тысяч долларов? В чем прикол?

– Не просто без интернета, – впервые в жизни Тиберий с интересом и любовью смотрел на рекламное объявление, – тебя полностью отключают от сети. Никаких камер, никакой слежки, ты можешь делать все, что угодно, правда, не выходя за пределы своей квартиры.

– Ага. Еще скажите мне, что тайная полиция честно закроет на все глаза.

– Думаю, они такой ерундой не занимаются, – подмигнул бармен, который ввиду отсутствия клиентов решил поучаствовать в беседе, – это серьезные ребята. Их работа убивать и пытаться людей, проводить всякие карательные экспедиции, расследования тайных заговоров. Так что можете спокойно шалить у себя в квартирке.

– Да ведь ее вроде расформировали? – неуверенно спросил Мупочка. – Тайную полицию? Несколько лет назад? Какой-то скандал был.

– Да, я читал, – рассеянно кивнул Тиберий, – один бизнесмен, как выяснилось, не совсем самостоятельно покончил с собой, на следствии всплыли детали, общественность всколыхнулась – как же так, такие средневековые методы в наш гуманный век.

– Ну и что? – пожал плечами бармен. – Их все время то расформируют, то обратно. Как только шумиха стихает. Потому уверен – сервис «Рокелав» надежный. В наши времена скандал в прессе способен уничтожить даже таких монстров, как тайная полиция.

– Но... Сто тысяч! У Тибби вот зарплата три тысячи. И вообще, не представляю, чем бы я этот час занимался, ведь все и так можно. Мы живем в свободной империи. – Мупочка был немного растерян.

«Для тебя». – подумал Тиберий. – «Но не для меня. Ну почему, почему я родился не таким, как все? Почему я урод, извращенец, вынужденный тщательно скрывать свою болезнь?»

– И название странное, – хмыкнул Колин.

– Как раз – нет, – мягко возразил Тиберий, – «рокелав» это черный плащ с капюшоном, который использовали венецианские мужчины, чтобы не быть узнаваемыми.

Последующие двадцать минут оказались познавательными. Тиберий, имевший довольно старомодные представления о виноделии и представлявший себе залитые солнцем виноградники и столетние бочки из высокогорного дуба, узнал, что вино, как и большинство современных продуктов, производится на заводе из воды и набора интересных химических веществ. Причем, цена этого техногенного коктейля для всех сортов вин одинакова. Колин, смеясь, добавил, что если на пару граммов увеличить дозу двух соединений, то получится одно популярное моющее средство, которое есть в каждой квартире.

– Одна и та же формула, понимаете? Ну а дальше работа дизайнеров и пиарщиков, на рынок же должно выйти вино разной ценовой категории. К тому же от синтетического вина вы никогда не опьянеете слишком сильно, не будете мучиться от последствий. Иллюзия, фальшивка! Я поэтому только пиво пью, – поделился прославленный винодел.

– Да ведь оно, наверное, так же...

– Конечно. Но я-то об этом не знаю.

Что и говорить, знания умножают скорбь.

– Но ведь настоящее алкогольное все же продается?

– Делаем. Но мало, и продаем дешево. Чтобы не престижно было. Его почти и не покупают поэтому.

Лабиринт минотавра

«Издыхающая утка» оказалась как раз такой, какой и полагается быть модному клубу. В ней было тесно, людно, темно, в воздухе витали странные запахи, шум от музыки и сотен голосов стоял такой, что собеседникам приходилось кричать, а от светового шоу рябило в глазах. На барных стойках покачивались в волнах вялых, сомнамбулических телодвижений полуобнаженные стриптизеры и стриптизерши. Одной из них, очень юной и безупречно сложенной, Тиберий невольно залюбовался. Взгляд у нее был безмятежный и совершенно отсутствующий. Она словно не замечала, где находится и что делает, и смотрела куда-то вдаль, поверх голов танцующих. «Словно Навсикая, бесплодно вглядывающаяся в морской горизонт, знающая, что никогда ей не увидеть Одиссея».

Едва Тиберий пересек порог клуба, его смарт буквально засыпал вопросами своего владельца: *«Показать вашу геолокацию? Хотите получить информацию о наших скидках и специальных предложениях?»* И прочее, и прочее. Тиберий с наслаждением нажал «запретить». В этом заведении он был впервые, обычно они ходили в более демократичный «Делирий», где можно было тихо посидеть в баре с бокалом вина и нехитрыми сэндвичами. Здесь же пришлось заранее заказать столик, при этом сразу заплатив изрядную сумму. Правда, в это входили напитки, в меню помеченные звездочкой, трехминутный приватный танец (Тиберий долго ломал голову, как можно организовать приватный танец в большом открытом зале перед столиком на шестерых) и несколько пунктов «безумного меню».

Мупочка чувствовал себя как рыба в воде, бурно обсуждал с Мелиссой ежедневный розыгрыш приза – сегодня в клубе разыгрывался какой-то «Лабиринт минотавра». Все, за исключением Тиберия, начали торопливо регистрироваться для участия в конкурсе. Тиберий, помнивший, что ничего хорошего в вышеозначенном лабиринте путника ждать не могло, попросил разъяснений. Оказалось, ничего особенного – обычный пакет клубных увеселений, но бесплатно. Впрочем, Тиберий был весьма не искушен по части обычного вечернего досуга, и прочтение меню не только не помогло, напротив, породило ряд новых вопросов. Список гласил:

«1) *Приватный танец...*» – «Опять?»

...2) *Тематический костюмированный стриптиз...*» – «Это как?»

...3) *Обмазывание и последующее слизывание сливок с тела минотавра. Сливки: без холестерина, ноль калорий, только натуральные ингредиенты...*» — «Бедный минотавр».

...4) *Оральный секс*. — «Кто кому? С них станется».

Тиберий открыл меню. Оно тут было на старинный манер, в кожаном переплете, на плотной, тисненной бумаге. Первый лист лаконично и доступно сообщал: «Наркотики». Дальше шел длинный список, включавший в себя как знакомые для Тиберия термины вроде «кокаин», «гашиш» и тому подобное, так и загадочные «Поцелуй гейши», «Анжелика в плену у пиратов». Требовалась консультация профессионала.

– Пол, – Тиберий показал Мупочке меню, – а что это?

– Это, мой зайчик, коктейли из наркотиков.

– Тогда они забыли дописать: *«Употреблять неподалеку от кладбища»*.

– Ну что ты, глупыш. Это же как с алкоголем, все синтетическое. Настоящие строго запрещены. Абсолютно безопасно для здоровья, не вызывает привыкания, эффект длится около пятнадцати минут. Ах, не были бы они такими дорогими, – Мупочка мечтательно закатил глаза, – я бы весь день переходил от одной прекрасной штучки к другой.

«Что ж, разумно», – подумал Тиберий. – «Можно сказать, с заботой об обществе. В конце концов, у каждого из нас свой наркотик». Ему вспомнился сосед-геймер, живущий с ним через стену. Тиберий видел его лишь однажды, когда тот переезжал в свою новую квартиру и кажется,

с тех пор ни разу оттуда не выходил. Бледный, худой, он поздоровался с Тиберием, возвращавшимся с утренней пробежки так неуверенно и тихо, что тот скорее догадался, чем услышал. Еду житель виртуального мира покупал, пользуясь службой доставки, откуда брал деньги – оставалось только догадываться.

«А там, в своей волшебной мистической стране, наверное, творит чудеса, летает на драконах или что они там еще делают.» Перегородки в современных квартирах очень тонкие, очевидно, для удобства шпионажа таких равнодушных к судьбам человеческим, как мистер Штерн. И пока Тиберий не сделал хорошую звукоизоляцию, он слышал буквально всех соседей: справа, снизу и сверху, но только не его. Только изредка откроется дверь, чтобы впустить курьерскую службу, да прошлепают босые ноги к санузелу и обратно. О великий интернет, ты открыл человеку целый мир, заперев его в четырех стенах!

Далее следовало несколько листов синтетического алкоголя с неизменной рекламной припиской о том, как это безопасно – «легкий, быстро проходящий эффект», полезно – «содержит витаминные добавки» и стильно – «Будь на волне! Вливайся в мир ярких удовольствий». Паршивой овцой в конце красочного списка значилось пару сортов «настоящего шотландского виски» (это притом, что Шотландия давно канула в лету), сомнительное вино и пять строчек убогистого текста с грозными предупреждениями: *«Алкоголь противопоказан при малейших нарушениях здоровья, лицам, работающим на предприятиях, сотрудникам офиса, детям до двадцати одного года»* и т. д. и т. п. Внизу виньетка в виде красивого траурного веночка. «Написали бы уже сразу – противопоказан всем», – весело подумал Тиберий. Пролистав половину этого внушительного тома, он, наконец, разыскал еду и остановил свой выбор на том, что называют вершиной мастерства французской кухни, а на деле является слегка опаленным на огне куском хорошего филе.

В рубрике «Блюда от шефа» обнаружилось и фирменное одноименное блюдо клуба «Исдохшая утка». Тиберий от души понадеялся, что она все же умерла насильственной смертью. Пока общественность битый час выбирала вино, причем особенно разорялся Мупочка, утомивший решительно всех сравнениями букетов и послевкусий вин (а ведь только что прослушал в деталях процесс их производства), Тиберий тихо улизнул в сторону барной стойки. Приближалось окончание увлекательного и познавательного светского вечера и, соответственно, поездка домой. От Пола, конечно, отвязаться не удастся, он, наверняка, останется на ночь. Требовалось морально подготовиться.

– Виски. *Bowmore*.

– О, конечно. Лед, содовая? – улыбнувшись, молоденький, женственный бармен потянулся к сверкающей зеркальной полке, где стояли, поблескивая янтарными боками, пузатые бутылки.

– Нет, мне – настоящий.

Улыбка мгновенно увяла, лицо юноши вытянулось, и он с искренним удивлением взглянул на странного клиента.

– Но... Почему? Возьмите нормальный, современный. Легкий, быстро проходящий эффект.

– Боюсь, сегодня мне нужен тяжелый и длительный, – усмехнулся Тиберий.

– В таком случае... Могу я?

– Конечно, – Тиберий с улыбкой протянул руку, терпеливо ожидая, пока бармен проверит его документы, отсутствие судимостей, медицинских ограничений и уровень страховки.

– Вы, наверное, новенький? – спросил Тиберий, в упор глядя на бармена своими непроницаемыми черными глазами. – И я у вас первый?

– Нет... – пролепетал парень и покраснел, но тут же поняв суть вопроса, смутился и залился краской еще сильнее. – То есть да, я работаю месяц, и никто еще ни разу не спрашивал настоящий виски.

Желая загладить неловкость, он поспешно и угодливо спросил:

– Сколько? Стандартный, двойной?

Тиберий бросил нечаянный взгляд в сторону их столика. Колин что-то серьезно и старательно объяснял Мупочке, а тот, выпучив от усердия глаза, зачем-то пытался запихнуть в рот внушительных размеров банан. Целиком. К несчастью для Тиберия, обладавшего тяжелым взглядом, вся компания тут же повернулась к нему. Мупочка с бананом во рту приветственно замахал руками, Мелисса, указав на Мупочку, сложила из пальцев сердечко, Колин расплылся в сладчайшей улыбке. Тиберий сглотнул.

– Бутылку, пожалуйста.

Первую порцию Тиберий проглотил залпом, живительное тепло разлилось по груди, натянутые нервы немного расслабились. Он заговорил с барменом, сел, повернувшись спиной к суровой реальности в лице Мупочки и друзей, и минут пять прошли мирно и вполне приятно. Но, как сказал романтический поэт, ничто не вечно под луной. Чья-то рука игриво прошла по его бедру, и Тиберий очнулся от сладостного плена покоя и уединения.

– Тибби. А мы вот с Колином обсуждали проблемы нашего общения, – понизив голос, сообщил Мупочка.

– Вашего с ним? – с некоторой надеждой, осторожно спросил Тиберий.

– Нет же. Нашего с тобой. Нам пора начать его разнообразить.

– !?..

– Ну, к примеру, тематические игры, квесты. Ну, как у всех нормальных друзей. К примеру, у меня есть много чудесных игрушек.

Воображение живо нарисовало перед Тиберием соблазнительную картину – Мупочка, накрепко прикованный к кровати наручниками, с кляпом во рту (чтобы не возмущался вслух), а сам он спокойно и в тишине работает весь вечер. «А что, прекрасная мысль».

Мупочка сунул нос в стакан Тиберия и сморщился.

– Ты опять настоящий виски пьешь? Что ж это такое, каждый раз, как у нас свидание, ты наливаешься, а потом ты всегда такой грубый, свирепый и неласковый, и жестокий, – в глазах у Мупочки заблестели слезы, – и никогда никаких прелюдий, а сразу...

Он всхлипнул и посмотрел на Тиберия так жалобно, что тот едва не смягчился. Этот бессвязный, но довольно громкий монолог с большим интересом выслушал бармен, после чего, восхищенно взглянув на Тиберия, сказал Мупочке с плохо скрываемой завистью:

– Ну и повезло же тебе, парень! Совсем зажрался.

Тиберий, прихватив бутылку и бокал, вернулся за стол, оставив Мупочку изливать горе благодарному слушателю. Но и там покоя не снискал.

– Тиберий, познакомься, это Мелисса!

Колин волочил за собой под руку весьма экстравагантную девушку. Тиберий сразу понял – богема. Женщин искусства видно за версту – зачастую, вместо того, чтобы привлекать внимание своим творчеством, они привлекают внимание внешним видом. С Мелиссой «номер два» было также. Она словно бы выпрыгнула из мультфильма-анимэ: волосы выкрашены в конфетно-розовый цвет, полосатые чулки, платье имело намек на сказочную принцессу, но даже для сказочной принцессы было чересчур коротко. «Прекрасный маникюр, значит не писатель и не художник. Или дизайнер или фотограф, – подумал Тиберий. Скорее фотограф, дизайнеры хоть иногда имеют дело с клиентами, соответственно, несколько по-другому относятся к имиджу». Его догадка подтвердилась, едва они познакомились, Тиберий был насильственно усажен за просмотр фотоальбома Мелиссы. Сей шедевр назывался «Грезы о прекрасном» и являл собой череду фотографий томных, полуобнаженных юношей и дев, накрашенных сверх всякой меры и задрапированных в прозрачные и полупрозрачные ткани. Тиберию было тут же предложено попозировать для следующей фотосессии в качестве романтического рыцаря: «Вы, на фоне диких скал, обнажаете свой большой меч...» От последующих описаний его плачев-

ной участи Тиберия избавило появление нового члена компании, девушки по имени Ивлин Янг. Она оказалась сотрудником организации по защите прав человека и яростным поклонником общества защиты животных. За столиком стало жарко. Мелисса «номер один» была вынуждена доказывать, что ее норковая шубка искусственная, а Мелисса «номер два» извинялась за кожаную сумочку, уверяя, что она ни в чем не виновата – поклонница подарила! В это время, наконец, принесли час назад заказанную еду. Ивлин подвергла критическому осмотру тарелки присутствовавших. Все испуганно застыли над своими десертами и салатами, Тиберий же невозмутимо приступил к кровавому стейку. Возмездие не замедлило обрушиться на его непокорную голову.

– Как можете вы есть плоть убиенного животного! Позвольте мне закрыть глаза и не смотреть на это! – Ивлин картинно прикрыла рукой глаза и отвернулась.

Тиберий совершенно не возражал. Посыпав свежемолотым черным перцем дымящийся стейк, он собрался с удовольствием приступить к трапезе. Не тут-то было. Слово свое Ивлин не сдержала – не только глаза, но и рот не закрыла. Свирепо водрузив перед собой тарелку с порезанными яблоками, она вернулась к проповеди:

– Это чудовищно! Не могу спокойно на это смотреть!

– Почему же? – вежливо поинтересовался Тиберий.

– Я – фрукторианка!

– Что-что?

– Я не ем плоть убиенных животных! Этот несчастный бычок хотел жить, а из-за вас..., из-за вас его убили! Фрукторианцы едят только фрукты, которые падают на землю, мы не терпим никакого насилия, едим только то, что естественно с точки зрения природы. А это – трюпоедение!

Она с картинным омерзением покосилась на тарелку Тиберия, который нимало не смущаясь, принялся за свой ужин.

– Что ж... – он задумчиво полил мясо соусом, – если уж говорить о фруктах. Вам не приходило в голову для чего они упали на землю? Верно, чтобы их семена оказались в почве, то есть, чтобы продолжить род. Таким образом, сейчас вы поедаете беременных женщин. Впрочем, – добавил Тиберий, весело взглянув на слегка побледневшую Ив, – спешу вас успокоить, если бы эти яблоки действительно падали на землю, их бы точно не отправили в магазин добросовестные поставщики.

В это время к ним подошел, качаясь на тоненьких каблучках, официант с подносом, уставленным бокалами. Молодой и очень порочный, он быстрым придирчивым взглядом окинул всю компанию за столом и ослепительно улыбнулся Тиберию. Водрузив на стол заказанное Мупочкой вино, он без нужды поправил салфетку Тиберию и удалился, бросив на того выразительный взгляд. Под салфеткой пару минут спустя обнаружилась визитная карточка с телефоном и пламенным призывом позвонить. Немного подумав, Тиберий незаметно отправил ее в сумочку Ивлин.

– Колин, а просветите меня – вы говорили, что формула совершенно одинакова, и только ароматизатор решает – стать вино престижной маркой или дешевым столовым вином. Тогда почему, несмотря на идентичную себестоимость, бутылка ложного Петрюса, как и сто лет назад, обойдется в целое состояние?

– Ну, это же очевидно, – Колин улыбнулся профессиональной улыбкой менеджера по продажам, то есть отечески снисходительно, – если у человека есть деньги, он захочет покупать самые дорогие вина.

– Но почему? Это же одни и те же помо..., полезный для здоровья напиток, я хотел сказать.

– Вы упускаете самое главное – престиж. Посмотрите, как глядят на нас те юноши за соседним столиком, сидящие с бутылкой неблагородного, дешевого Шабли.

Тиберий был совершенно не уверен, что ради завистливых взглядов юношей за соседним столиком стоило выбросить сотню долларов, но поскольку твердо решил сегодня постараться быть хорошим, возражать не стал. Понимая, что роман русского классика впечатлил Мупочку не слишком, Тиберий тайком заказал нечто более существенное и традиционное – плюшевого мишку и к нему букет, который назывался «Гордость королев». Впрочем, особенно таиться не пришлось. Когда за ужином собирается дружеская компания, вполне естественно, что все сидят за столом, уткнувшись в свои смартфоны, и едят, не глядя, свободной рукой.

Поскольку покупки Тиберий совершил как типичный мужчина, то есть, поспешно и не читая, результат его немного удивил. И не его одного. Когда стеклянные двери бесшумно раскрылись, пропуская курьера, чьи тонкие ноги тряслись и сгибались под тяжестью исполинского, устрашающего вида медведя, в каталоге значившегося «милым маленьким сюрпризом», все слегка онемели. «Гордость королев» тоже удивила, но в обратном ключе. Прежде, чем вручить Полу, Тиберий, ухмыльнувшись, повертел в руках нечто, больше напоминавшее бутоньерку, чем роскошный букет на фотографии. То ли флорист обладал несколько извращенным чувством юмора, придумывая название своему творению, то ли имел такое мнение о чести и достоинстве вышеозначенных особ – Бог весть. Но Мупочка пришел в совершеннейший восторг, и Тиберий с невольной улыбкой наблюдал, как он кружится в импровизированном танце с жутким медведем в качестве партнера. Ни дать, ни взять – постаревший Кристофер Робин. Наконец, он выдохся и рухнул за стол, усадив медведя между собой и Тиберием.

– Какой он у вас... большой, – улыбнулась Мелисса.

– А у Тибби все очень большое, – хихикнул Мупочка.

Тиберий поперхнулся своим «лжеМерло». И тут же резко обернулся, потому что звук, который услышал за спиной, мог издать только человек, с которым приключился тяжелейший приступ астмы. Оказалось, медицинская помощь никому не требуется, ну разве Майкл мог бы, пожалуй, оказаться полезным в этой ситуации, но он сам как-то говорил Тиберию, что есть случаи, когда медицина бессильна. Мупочка, обе Мелиссы и Колин были похожи на дикарей, живущих в верховьях Амазонки, перед которыми совершил посадку современный самолет. Ивлин Янг, надо отдать ей должное, в лице не менялась и занималась исключительно яблоками и порицанием презренных пожирателей плоти на сей раз в *Bodybook*, поскольку Тиберия устроить не удалось.

– Это же сам Дон Ларго! – просипел Колин свистящим шепотом, не отрывая взгляда от монитора. – Он посетил наш клуб, и сейчас мы его живьем увидим.

От волнения он вместо листа салата положил в рот салфетку и продолжал жевать, ничего не замечая. Даже Тиберий заинтересовался. Что за божество такое? Толпа на входе уплотнилась, похожую ситуацию можно наблюдать, когда потревоженные пчелы всем дружным семейством облепляют непрошеного гостя, покусившегося на их мед. Наконец, стало возможным рассмотреть и виновника этого столпотворения.

– А кто он вообще? – спросил далекий от светской хроники Тиберий у Мупочки, который находился в сложной и интересной стадии между оргазмом и кататоническим ступором.

– Ты что, Дона Ларго не знаешь? Как это возможно? Он же шоумен, король тусовок и вечеринок, это же такая знаменитость!

– Да? Так и чем он занимается в итоге? – поинтересовался Тиберий, рассматривая мужчину в черной, расцвеченной металлическими шипами коже. Темные волосы с боков выбриты, сверху уложены в сложную конструкцию из косичек и свободных прядей, голову обнимают татуировки в виде ветвей терновника, спускающиеся на шею.

На этот вопрос ему никто внятно ответить не смог, но обожания от этого не убавилось. Знаменитость, облепленная поклонниками, как охотничий спаниель репьями, двинулась в сторону сцены. А компания за столом принялась бурно обсуждать, какой этот Дон неприступный, о личной жизни ничего не известно, хоть бравая и отважная команда папарацци ведет посмен-

ное дежурство во всех местах его дислокации. Одна Ивлин не принимала участия в этом пире разума и излишних душ. Она печально сидела над тарелкой теперь уже груш, и Тиберий подумал, что фрукторианство, пожалуй, заткнет за пояс и буддийских аскетов. У тех меню все же разнообразнее. Он тихонько подтолкнул Мупочку, и тот, добрая душа, сразу понял, обратился к ней со свежепрочитанной шуткой и подарил свою «Гордость королев».

Удивительно, как меняют настроение женщины обычные цветы! Каких бы радикальных политических взглядов она не придерживалась, и в какие бы странные секты не обращалась. Ивлин тут же ожила, порозовела, даже почти улыбнулась. И, возможно, мир и благоденствие продолжили бы свое победное шествие в этот вечер, но, как известно, злой рок не дремлет. Лишь только расслабится человек, уснет его бдительность, и вот уже фатум настигает его, как гибельный зной в безводной пустыне.

Официант принес заказанное Тиберием карпаччо и не только принес, но и по ошибке поставил перед Ивлин. С тем же эффектом Данте могли подать на пиру голову его возлюбленной Беатриче под устричным соусом. Чтобы не смущать столь ужасными криками почтенное и приличное заведение, Тиберию пришлось применить некоторое насилие и зажать рукой рот яростной поборнице прав животных. Это было, конечно, не очень прилично, но обусловлено жизненной необходимостью. Ивлин потрепыхалась в железных руках Тиберия с минуту, потом обмякла, и он решил, что пришло время выпустить вешнюю ласточку на волю. Он ошибался.

– Как может цивилизованный человек хотя бы вынести вид этой истерзанной кровоточащей плоти, которая буквально вопиет о чудовищной жестокости?! – возопила она.

– Плоть, строго говоря, молчит, – хладнокровно отрезал Тиберий. – Вопите вы. И портите всем присутствующим приятный вечер.

– Ив, ты с ним лучше не спорь, – мягко, почти умоляюще попросил Мупочка, – он немножечко тиран, все равно все будет так, как он захочет.

– А ты не смей его защищать! – взревела Ивлин и тут же уставилась на Мупочкин тортик. – Яйца, – лязгнула она зубами, – в его составе яйца. В твоей тарелке сейчас не родившиеся зародыши будущих кур!

Мупочка побледнел и отшатнулся.

– А в ваших руках сейчас отрезанные половые органы растений, – спокойно заметил Тиберий, кивнув на букет, который Ивлин все еще машинально сжимала в руках. – И, самое печальное, только представьте себе, эти бедные цветочки распустились для любви, но безжалостная рука садовода кастрировала их в самом расцвете такой недолгой и хрупкой юности. А после...

Тиберий, утомленный непрерывным дерганьем за руку, нежно и ласково обнял Мупочку за плечи. Кости у бедняги хрустнули, и он тут же притих, как пойманный воробушек.

– ...А после их, еще цепляющихся за жизнь с упорством искалеченного, но неубитого воина, безжалостно вырвали с корнями из земли, чтобы сжечь, заметьте, еще живыми. И посадить на их место следующих смертников. Все вышесказанное относится и к фруктам, и овощам, – подытожил Тиберий.

И преспокойно принялся за карпаччо, подлец.

Однако карающая длань судьбы не обошла его своим возмездием. За столиками произошло оживление, прекратились разговоры, и взгляды гостей ресторана обратились к настенным мониторам. Наступил момент розыгрыша приза дня. Мупочка ерзал на стуле, покачиваясь из стороны в сторону от нетерпения, даже кислая, чахлая Ивлин проявила интерес – напряглась и вытянулась в струнку, приобретя удивительное сходство с охотничьей собакой, вставшей в стойку. Тиберий не обращал на это ни малейшего внимания. Голос невидимого диджея возвысился над ревом и гулом музыки, замешанной крепким коктейлем с людскими голосами. «Прямо глас божий», – с издевкой подумал Тиберий, прежде чем его сознания коснулось собственное имя.

– И-и-и... Победитель сегодняшнего вечера на обладание пакетом «Лабиринт минотавра»... Тиберий Краун! Поплодируем!

Зал взорвался полными зависти овациями.

– Что? Как!? – ошарашенный Тиберий растерянно смотрел на присутствующих. – Да я же не регистрировался даже в этом идио... Неактуальном для меня на сегодняшний день розыгрыше! Я же геолокацию запретил. Почему!?

– Ну, глупыш, это ты для своих друзей запретил, – ласково ворковал Мупочка, – а для серьезных людей вроде правительства или магазинов, или клубов, твои запреты... Ну, ты понимаешь. Это как хулиганов повстречать на улице. Запрещай им, не запрещай. Все равно сделают с твоей попочкой, что захотят. Я-то знаю.

Тиберий застонал. Но потом в голове мелькнула спасительная мысль: «Можно ведь просто заплатить юноше, не пользуясь его услугами». Подбадриваемый одобрительными криками, он поплелся за золотую парчовую занавеску, захватив с собой спасительную бутылку виски.

Он оказался в довольно тесной, душной комнате. Кондиционер работал вовсю, но даже он был неспособен уничтожить смешанные запахи духов, пудры, разгоряченного тела и едких, удушливых ароматизаторов воздуха. Их он тут же увидел – две большие чаши, наполненные цветными сушеными листьями, цветами, коробочками хлопка. Они курились тонкими ветвистыми струйками дыма, делая воздух в комнате еще более непригодным для дыхания. Тиберий сел на диван, предварительно сделав большой глоток из бутылки.

Наконец, из динамиков полилась стилизованная под античные песнопения музыка, и в комнату вплыл минотавр. Лицо стриптизера наполовину было скрыто золотой маской, изображавшей круторогого быка. Золотом же было покрыто и тело, собственно, кроме маски, туники и калиг на импровизированном минотавре ничего и не было. Впрочем, имелся еще хвост, длинный, с кисточкой на конце. Один конец хвоста волочился по полу, другой – исчезал между ног минотавра.

«Как ему, должно быть, неудобно танцевать с таким вот украшением, – пожалел беднягу Тиберий. – И почему он золотой? С легендарным тельцом попутали? И они еще исторический факультет собираются закрывать». Исполнив нечто, долженствующее означать танец древнегреческого воина, минотавр избавился от туники, что не заняло много времени, и остановился перед Тиберием. Прикинув в уме, что первые два пункта программы завершены, Тиберий поспешно сказал:

– Сливки не надо. У меня, знаете ли, аллергия.

Минотавр облегченно вздохнул и опустился на колени перед клиентом. Тиберий подъема не ощутил. Не то чтобы он был уж очень брезглив, но на жрецов продажной любви сегодня как-то не тянуло.

– Знаете, откровенно говоря, я сегодня не в настроении. Много выпил... Вот. – Тиберий продемонстрировал полупустую бутылку. – Давайте считать программу завершенной? Я хотел бы оставить чаевые...

Он потянулся к столику, где уже заранее приметил сенсорную кассу, но минотавр умоляющим жестом остановил его.

– Сэр, пожалуйста! Позвольте мне все же доставить вам удовольствие!

Тиберий вытарашил глаза. «Конечно, похвально, что человек так любит свою работу и столь ревностно относится к служебным обязанностям, но все же немного странно. Заказчик претензий не имеет, все оплачено, к чему такой энтузиазм?»

– Видите ли, я на испытательном сроке, – принялся сбивчиво объяснять несчастный минотавр, – еще две недели осталось, администрация присматривается. Что они скажут, если увидят, что меня даже бесплатно не хотят? До этого на меня были только лучшие отзывы.

– Так что, нужно еще и отзыв писать?

– Ну, только маленький анкетный листик заполнить. Вот, – минотавр проворно нырнул под столик, задрапированный под жертвенный алтарь, и извлек из его сумрачных недр разливанный лист.

Тиберий прочитал сверху: «Отчет об оценке деятельности»... – «Вот не везет сегодня!» Практикантов он всегда жалел. Бесправные существа, вся карьера под угрозой из-за чьей-нибудь плохой характеристики.

– Давайте заполню, – вздохнул он, беря в руки листок.

Минотавр вторично рухнул перед ним на колени:

– Нельзя так просто! На камере же видно будет, – он взял Тиберия за безжизненные руки. – Да вам понравится! У меня к этому, знаете ли, талант.

И не дожидаясь разрешения, приступил к делу. Тиберий закрыл глаза и попытался представить ту обреченную Навсикаю, сонно покачивавшую бедрами над полированной барной стойкой. Не получалось. Определенно, мужские руки касались его бедер, мужские губы умело и безуспешно проделывали свою работу. «Так, еще попытка. Повалим Навсикаю на барную стойку. Нет, к сожалению, дух жаждет, плоть слаба. Нет. Не получается. Надо бы еще виски. *Akvavitaе*. Ну и чего же ты не работаешь? По легенде, ты способна мертвого вернуть к жизни. Видимо, не полностью... Так, последнюю попытку... Увы. Прости, минотавр». Он открыл глаза. И посмотрел на коленопреклоненного юношу. Где-то он видел эти глаза и руки. Определенно, видел. И совсем недавно. Они держали сверток в коричневой обертке.

– Сэм?! – и не ожидаясь ответа, в буквальном смысле взял быка за рога и стащил золотую маску.

Надо отдать должное его бывшему студенту – особенно сконфуженным он не выглядел. Немного огорченным — да, но не более. А вот Тиберий пришел в бешенство.

– Мой лучший студент! Здесь, – тут он подпустил каплю яда в голос, – да еще и на испытательном сроке! Три кафедры вам предлагали аспирантуру, вы сказали, что у вас есть более интересное карьерное предложение, – Тиберий широким жестом обвел импровизированный будуар, – ну?

– Так и есть! – Сэм, все еще стоящий на коленях, гордо вскинул голову. – Ну, сами посудите, сэр, когда меня здесь оформят по трудовому договору, у меня за вечер тысяча будет, плюс чаевые.

– Кто ж спорит, – фыркнул Тиберий, – я всегда говорил, главное найти область, куда можно применить свои лучшие таланты.

Он взял в руки конец длинного хвоста. Сэм с надеждой заглянул ему в глаза.

– А давайте, сэр, еще разок попробуем?

– Сядьте! – рывкнул Тиберий, только сейчас вспомнив, что все еще сидит с расстегнутыми брюками перед своим, пусть и бывшим, студентом.

Сэм испуганно подскочил (в памяти мгновенно ожили недавние семинары), попытался сесть рядом со своим профессором на диван – не смог. Хвост мешал.

– И что, – ехидно поинтересовался Тиберий, когда они все же пришли к дипломатическому соглашению заключить мир без проведения военных действий, – как тут все организовано? Пенсия, отпуск, сверхурочные? Расскажите, всегда было интересно, как складывается в дальнейшем карьера моих лучших учеников.

Они спросили кофе и еще минут десять мирно болтали. А в ресторане «Исдохшей утки» в это время разгорались нешуточные страсти.

– Он совсем не хочет проводить со мной время, – плакался Мупочка умудренному жизненным опытом Колину. – Каждый раз умолять надо, чтобы встретиться. И когда я у него в гостях, даже рубашку не снимает!

– Ну так перестань общаться. И в соцсетях заблокируй.

– Не могу. Он такой красивый, талантливый и умный...

– Понятно, – Колин снисходительно взглянул на несчастную жертву страсти безнадёжной, – ну, тогда самый лучший выход вот...

И ткнул пальцем в пункт меню, гласивший: *«Секрет Приапа»! Всего один грамм чистой сексуальности – и вы превратитесь в необузданного жеребца!»*

– Думаешь, одного грамма хватит? – озабоченно поинтересовался Мупочка.

– Возьми лучше три, он у тебя такой большой.

Тяжелая ночь

Рассиживаться в будуаре Тиберий не стал. Парню работать еще, пора и честь знать. Он незаметно вернулся за столик, налил себе еще виски и впал в состояние сонного оцепенения. На заднем плане что-то бубнил Колин, а Мупочка и обе Мелисы обсуждали животрепещущий вопрос: как бы так исхитриться сфотографироваться на фоне бессмертного Дона Ларго, чтобы на фото казалось, будто они вместе? Тиберий, который уже изрядно захмелел, неожиданно для себя внес стратегическое предложение:

– А почему нельзя просто подойти к нему и попросить?

На него зашикали и замахали руками, ощущение было такое, что он предложил сходить в клуб с самим императором. В это время взвыл смарт – сообщение от его страховой компании. Если он немедленно не прекратит поступление алкоголя в кровь (так и написали!), они немедленно поднимут стоимость медицинской страховки на двадцать процентов. Тиберий встряхнулся. Однако его сильно развезло, нельзя так расслабляться.

– Пол, – крикнул он Мупочке, не поворачиваясь, – налей мне воды, пожалуйста.

– Конечно, – расплылся тот в коварной улыбке.

И подбадриваемый Мелиссой «номер два», протянул Тиберию бокал, в который украдкой добавил «Секрет Приапа». Все три грамма сразу.

Тиберий выпил залпом воду и только в самый последний момент почувствовал странный медный привкус. Кровь отхлынула от лица и вся сосредоточилась несколько ниже, зал поплыл цветными огнями, а звуки расслоились на странные, назойливо жужжащие ноты. И что-то мягко стукнуло в затылок. Уже проваливаясь в наполненную сияющими звездами темноту, он резко поднялся из-за стола, опираясь нетвердой рукой.

И в один момент все исчезло.

Дальнейшие события слились в сверкающий безумными вспышками фейерверк – его то возвращало к реальности, то снова кидало в горячую тьму. Первый раз он очнулся посреди танцпола, в одной руке зажата почти пустая бутылка виски, в другой – две хохочущие девицы, которые шелкали камерой, как сумасшедшие. По счастью, декламировал он со сцены вполне политкорректных «Едоков лотоса» Тениссона.

Тиберий огляделся. Со всех сторон к нему тянулись руки, покрасневшие, полубезумные восторженные лица, грохот музыки раскаленными гвоздями вбивался в мозг, вспышки светового шоу слепили глаза. Инстинкт самосохранения требовал немедленно покинуть это безобразное место, и он залпом допил бутылку.

Снова темнота.

Когда сознание вернулось во второй раз, он обнаружил себя в, очевидно, уже дружеской компании в зоне отдыха. Тут музыка гремела тише, на низких стеклянных столах стояли напитки, на диване напротив он увидел Мупочку с двумя незнакомыми девушками. С ним разговаривали, шутили, он отвечал. Колин, который, как впоследствии выяснили журналисты, долго и безуспешно пытался обратить на себя внимание Тиберия, и в итоге не придумал ничего лучше, чем ткнуть последнего пальцем под лопатку. Одурманенный мозг соображал очень медленно, а вот закаленное годами тренировок тело сработало мгновенно и безукоризненно. Только что расслабленный, сидевший с полузакрытыми глазами Тиберий молниеносно развернулся, перехватил за запястье Колина и, выбив из руки несчастного несуществующий нож, опрокинул его навзничь. Вытаращенные от ужаса серые глаза показались смутно знакомыми, и Тиберий ослабил хватку.

– Извини, – пробормотал Тиберий, отпуская свою жертву.

Рядом вырос уже знакомый бармен и услужливо протянул стакан с виски:

– Сэр, вам нужно расслабиться.

Последнее, что он услышал, прежде чем снова впасть в забытие, был мелодичный восторженный голосок Мелиссы:

– Тиберий, а чем вы зарабатывали на жизнь, прежде чем начать преподавать историю?

...Темные пятна перед глазами понемногу расступаются, он слышит собственный уверенный четкий голос, прямо как с кафедры: «Еще воды, пожалуйста. Так вот. Свобода – это миф, Ивлин. Вам, как сотруднику организации по защите прав человека, это должно быть хорошо известно. Я, собственно, не утверждаю, что абсолютная свобода это благо, но отчего-то, чем больше определенная группа людей к ней призывает, тем больше она собирается пролить крови».

– Нет, как же, – горячо возражает Ивлин Янг, – мы живем в свободной империи. У нас демократия, гласность, свобода слова.

– Нет у нас никакой свободы слова. Если вы имеете ввиду право покричать в этом шутовском парке, то хочу напомнить, что покричать и там можно далеко не обо всем.

– Нет, ну конечно, вы не можете говорить что-то, оскорбляющее достоинство, и призывать к насилию...

– Ивлин, попробуйте выйти на улицу с заявлением, что гетеросексуализм – это не извращение. И побороться за права гетеросексуалов. Это не призыв к насилию и не оскорбляет ничье достоинство. И тогда увидите, какая у нас свобода слова.

Если бы только Тиберий знал, чего будут стоить эти слова, которых на трезвую голову он бы никогда не произнес! Бледный от ужаса Мупочка, глаза которого приобрели полное сходство с глазами лемура, торопливо наполнил бокал Тиберия жидкостью чайного цвета и сунул ему в руку.

Снова провал.

Следующий кадр: он стоит, ухватившись рукой за покрытую перфорированной сталью опорную колонну; колонна отчего-то качается, как, собственно, и пол под ней; на руке повис Мупочка, он о чем-то жалобно просит, вид несчастный. «Скверно. В чем же дело?» – Тиберий поднял затуманенный взгляд и увидел впереди Дона Ларго, выхваченного столбом света прожектора. – «А, ясно, наверное, хочет сфотографироваться. Они же на этот счет с Мелисами переживали?» Тиберий попытался сфокусировать зрение на идоле шоу-бизнеса: «Ничего примечательного, какой-то павлин расфуфыренный, честное слово. И он еще смеет отказывать моим друзьям? Сейчас с этим разберемся...»

...Окончательно он пришел в себя в такси. Его собственная машина, как сообщил Мупочка, решительно отказалась везти его домой, поскольку бессвязная речь хозяина свидетельствовала о алкогольном опьянении высокой степени. А в таком состоянии водитель не допускается не только к управлению, но и в салон. После того, как Тиберию дважды не далась запрашиваемая скороговорка, машина гневно заглохла, не преминув сообщить, что в следующий рейс она отправится только после того, как хозяин предъявит справку от нарколога.

Такси обладали большей лояльностью. Мупочка по дороге повинился насчет «секрета Приапа» и осторожно поинтересовался, что именно его Зайчик помнит из произошедшего. Выяснив, что, практически – ничего, он даже как будто обрадовался. Хрупкий мир был восстановлен.

Едва войдя в квартиру, Тиберий отлучился в ванную и там, достав из тайничка под раковиной особую аптечку, тут же, прямо через брюки вколол себе антидот. Проклятая муть растаяла перед глазами, голова перестала кружиться вокруг собственной оси, а мысли обрели, наконец, ясность. Скверным было то, что память о событиях минувшего вечера так и не вернулась, и то, что от хмеля не осталось и следа. А угроза ночи страстной любви, тем не менее, еще была. Впрочем, был неплохой, неоднократно выручавший Тиберия вариант спасения.

– Пол! – крикнул он, высунувшись из ванной. – Я в душ, а ты пока поиграешь?

– Ну, я, в общем-то, не хочу, – неуверенно пробормотал Мупочка, тоном хронического алкоголика, которому предложили бокал великолепного коньяка.

– Я же все равно пока купаюсь, – невинным голосом сообщил Тиберий, – а ты – быстро, только зайдешь на пять минут – и все.

– Ну, разве на пять минут, – облизнулся Мупочка и тут же добавил, – у меня на тебя сегодня большие планы. А то ты всегда так... спешешь. Даже не раздеваешься.

Тиберий опять почувствовал раздражение.

– Ты как Психея, которая все мучила на эту тему Амура. В итоге все плохо кончилось.

– Да? А чем же? И что за Психея такая?

Тиберий попытался объяснить доступным Мупочке языком:

– Смертная девушка. Ее полюбил Амур. Древнегреческий бог любви, если ты не знаешь. Он соблазнил ее речами, ну, и не только. Они встречались в темноте, и Психея не видела, как выглядит ее любовник. Ей надо было три месяца подождать, и тогда он обещал на ней жениться. Это значит оформить брачную лицензию, только на неопределенный срок. Но женское любопытство побудило ее взять лампу и рассмотреть спящего возлюбленного. Из лампы капнуло на его грудь масло. Горячее. Он проснулся, обиделся и улетел.

– О... – Мупочка был впечатлен. – Надо было ей быть осторожнее. С лампой.

– Ей надо было не лезть, куда не следует, – прошипел Тиберий и захлопнул дверь.

– Тибби! – Мупочка с интересом разглядывал кровавые полосы, расцветившие некогда белоснежную стену, – Какой интересный дизайн! Это вручную выполнено? Дорого обошлось?

– Да нет, не особенно, – ухмыльнулся Тиберий.

– Креативно, – одобрительно кивнув, Мупочка пристроился за компьютер.

Все, теперь путь свободен. Приближалась кульминация вечера, а именно – противозаконная книга. Он погасил свет, пользуясь специальным фонариком, достал маленький, незарегистрированный смарт, еще раз оглянулся на запертую дверь и включил свою самую ценную вещь. Пролистал список книг, хранившихся на этом крохотном, невзрачном носителе. Каких трудов стоило разыскать, приобрести, а главное, скрыть их наличие. Помогала профессия историка, очень помогала. Доступы в секретные архивы, разрешения на ознакомление. А дальше шли в ход методы, полученные на его предыдущей работе. Настоящей работе. Так он стал обладателем десяти тысяч книг, за хранение каждой из которых светило не менее двух лет тюрьмы.

На сегодня выбор пал на «Ундину» Фридриха Фуке. Тиберий читал ее прежде, но сегодня почему-то потянуло еще раз. Вспомнились золотые, растрепанные волосы, переливчатые, зеленые глаза, их гибельный омут. И вкус ее нежных, раскрытых в немом крике губ, таких теплых и мягких. Он пристроился на край ванной, больше некуда было. И без того маленькая типовая ванная в квартире Тиберия была еще меньше из-за тайника, устроенного во всю стену. Как маньяк, который не может расстаться с блузками своих жертв, он не мог находиться вдалеке от самых любимых своих книг. Маленькая, незаметная для посторонних глаз кнопка открывала целый шкаф, хранивший в себе наиболее дорогие его сердцу настоящие бумажные издания. Конечно, львиная доля его сокровищ в сотне километров отсюда, но туда так просто не попадешь, а как прожить бесконечные недели без этого чудесного запаха старой бумаги, прекрасных рукотворных рисунков, потертых кожаных переплетов?

Он, уже не боясь находившегося всего в метре от него, за тонкой стеклянной перегородкой, Мупочку, открыл свою сокровищницу, нежно провел пальцем по переплету настоящей, живой, неэлектронной «Ундины» и достал ее из шкафа. Прошел час, за ним другой. Действие антидота начало слабеть, вернулось законное после такого безобразия головокружение и слабость. Но он все не мог заставить себя прерваться. Головная боль и состояние опьянения усиливались – надо спать. Наконец Тиберий поставил книгу на место и осторожно заглянул в комнату. Так и есть – Мупочка в наушниках застыл у монитора, только пальцы живут своей собственной, но весьма активной жизнью.

– Пол?

– Сейчас, сейчас. Меня тут ребята в рейд позвали, три босса всего осталось.

– Конечно-конечно. Да ты не торопись.

Ура! В лучшем случае, это закончится к утру. В это время даже жертва секрета Приапа имеет право на законный сон. Тиберий тихонько, стараясь не обращать на себя внимания, пробрался в постель. И уснул, как обычно, когда у него были гости, не раздеваясь.

Время собирать камни

Пробуждение оказалось не самым приятным. Солнечный свет не просто бил в глаза, он причинял физическую боль. Тиберий с усилием разлепил веки. Телу было непривычно прохладно. Он провел трясущейся рукой по животу. Так и есть, рубашки на нем нет, равно как и брюк. Резко сел на постели и тут же застонал, потому что голова буквально взорвалась от острой, нечеловеческой боли: «Чертов Пол, он что, поучительную историю Психеи воспринял в качестве руководства к действию?» Похоже, так и есть, он точно помнит, что перед сном не раздевался.

Тиберий огляделся по сторонам, благо квартира невелика – состоит, по сути, из одной комнаты, разделенной на зону кухни и рабочего кабинета с кроватью. Из украшений только часы Майкла да старинная мраморная русалка, работы неизвестного немецкого романтика. Тиберий купил ее с аукциона, очень уж кое-кого напомнило это нежное, задумчивое лицо. Мупочки в поле зрения нет, следовательно, он в ванной. Тиберий с трудом поднялся (его пошатывало) и направился на звук сдавленных рыданий.

Мупочка сидел на унитазе, в руках бессмертные «Ромео и Джульетта», шкаф открыт. Часть книг горкой на полу, впрочем, аккуратной горкой. Но плакал его прозревший друг не о судьбах несчастных влюбленных. Увидев Тиберия, он вскочил, как ужаленный.

– Я... Я всегда знал! Догадывался! Ты ненормальный!

– Пол.

– Все эти ужасные книги... Они, они... О любви!

– Ну не все.

– Я обожал тебя! Я сегодня любовался тобой, как эта... Как ее... Психея!

– Пол, успокойся.

Для большей устойчивости Тиберий поднял левую руку и ухватился за дверной косяк. И слишком поздно понял, что это плохая идея. Взгляд Мупочки остановился на его подмышке, глаза округлились, рот открылся. Рыдать он мгновенно перестал, и то неплохо. Понимая, что теперь все мосты сожжены, Тиберий только вздохнул, ну что ж, так тому и быть. По крайней мере, теперь можно быть уверенным, что он никому не расскажет о секретной библиотеке.

– Ты... – чудовище, – выдохнул Мупочка, глядя безумными глазами на Тиберия, – если бы я только знал...

Он опрометью бросился из ванной, стараясь не глядеть на Тиберия. Даже курточку от *Prada* забыл, чего с ним прежде никогда не случалось. Когда захлопнулась входная дверь, Тиберий опустился на постель. Им овладели смешанные чувства, с одной стороны – огромное облегчение. Не нужно больше врать, притворяться, ну и другое тоже. С другой стороны, – сколько он так продержится, прежде чем все начнут задавать участливые вопросы и пытаться помочь ему с личной жизнью? К Мупочке он все же привык, теперь придется заводить кого-то нового. А так не хочется. Однако, время разбрасывать камни и время их собирать. Он взял нетвердой рукой смартфон, набрал единственный номер, который помнил наизусть.

– Лора? – Тиберий постарался, как смог, смягчить свой преступный хриплый голос.

Она тут же ответила, но довольно сухо:

– У меня совещание.

– Плевать я хотел на твоё совещание. Завтра?

– Послезавтра. Сначала в порядок себя приведи.

– Но ты же сама...

– Я сказала, надо провести вечер, как нормальный человек! – Лора, очевидно, решила пренебречь на некоторое время служебными обязанностями. – А не устраивать масштабную римскую вакханалию в клубе!

– Что?

– А, так ты не видел сводку новостей?

– Нет.

– Ну, так посмотри.

И повесила трубку. И как только вызов оборвался, Тиберий во весь экран увидел себя в ленте горячих новостей. Фотография достойна рекламного плаката. В руке бокал, между лапами расстегнутой рубашки рельеф безупречного пресса, эффектно стоит на столе в окружении аплодирующей публики.

Заголовок гласил: *«Тиберий Краун, известный профессор истории и этнологии, – дальше шло подробное перечисление его регалий, наград и книг (публика ведь любит скандалы со знаменитостями). – Таким мы его не знали! Исполнив на столе великолепный танец,...»* —«Что!?» – *«...он заставил опуститься на колени звезду клубных вечеринок Дона Ларго,...»* – «Не может быть!» – *«... повелительно взял его за волосы...»*

А вот дальше читать было страшно. Тиберий немного посидел, обхватив руками раскалывающуюся голову.

– Все, больше не пью, – пообещал он мраморной ундине.

Ему показалось, или она ответила насмешливым взглядом? Приняв таблетку от головной боли, Тиберий достал из шкафчика наполовину полную бутылку виски и вылил все содержимое в раковину. Потом он минут десять стоял под душем и решал – дочитать гнусную статью или не стоит. Все равно, все в подробностях и красках очень скоро узнает от Лоры.

Мерзким звоном смарт оповестил о получении сообщения: *«От Норманна».*

«Дорогой Тиберий! Как приятно узнать, что коллега, с которым я работал столько лет, обладает таким выдающимся сложением! Если бы я знал, что у тебя такие стройные, мускулистые ноги и такая восхитительная попка, я бы немедленно...»

Дальше шло детальное и подробное описание планов Норманна, несколько во вкусе почтенного маркиза де Сада, но в целом романтических. Глубоко вдохнув, чтобы унять клокотавшую в нем ярость, Тиберий прикинул: «Нормально, до зарплаты хватит дотянуть». Пальцы отбили по клавиатуре: *«Дорогой Норманн! Иди ты на х..!»*

Едва отправив сообщение, он расстроился. По сути, пожелал человеку приятно провести время.

Он снова взял в руки смарт:

– Гордон, привет. Можем встретиться? Сегодня.

– Опять что-то натворил? – весело спросил голос на другом конце линии. – Я тебе как юрист нужен или так, пиво попить?

– И то и другое.

– Ладно, только у меня времени вообще нет. Работы много. Давай через три часа в «Супербургере»? Который внизу моего офиса. Заодно пообедаем.

– Спасибо.

На то, чтобы привести себя в порядок ушло не меньше часа. Обычное утро современного мужчины: душ, кофе, зарядка. Антибиотики, пребиотики, стимуляторы. Обычно Тиберий пользовался только первой половиной меню, но вот сегодня пришлось пойти в ногу со временем. Он взглянул на себя в зеркало. Обычно немолодое, но свежее и еще красивое лицо сегодня было бледно, осунулось, под глазами залегли глубокие тени, придавая ему декадентский флер, взгляд – мрачный и злой. Теперь он выглядел как типичный офисный работник в середине трудовой недели. «Вот и превосходно, сегодня мы с Гордоном будут выглядеть коллегами, и ни у кого не вызовет вопросов наша дневная встреча в кафе», – размышлял Тиберий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.